

М.Г. АХМЕДОВА

НЕОПОЗИТИВИСТСКИЕ
ВОЗЗРЕНИЯ
В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ
Е.В. ДЕ-РОБЕРТИ

Москва
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
2024

УДК 101.1:316(035.3)
ББК 60.0
A95

У т в е р ж д е н о
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Р е ц е н з е н т ы :

- доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова
A.B. Разин;
доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова
A.B. Тонконогов;
доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова
A.B. Рахманов

Ахмедова, Муслимат Газиевна.

A95 Неопозитивистские воззрения в социальной философии Е.В. Де-Роберти : монография / М. Г. Ахмедова. – Москва : РУДН, 2024. – 160 с.

Монография посвящена социально-философским взглядам Е.В. Де-Роберти, провозвестника неопозитивистского течения в России. Е.В. Де-Роберти является признанным теоретиком мысли, положившим в основу социально-философской системы «био-социальную гипотезу», которая оказала существенное влияние на социологов как органической, так и психологической школы в социологии, нарушая тем самым внутреннее единство и согласованность их учений. Труды Е.В. Де-Роберти по социальной философии и социологии имеют значение не только для российской социологической науки, но и для мировой гуманистической мысли, на которые простирается область социологии, одним из старейших и почетных представителей которой он является.

Книга будет полезной не только философам, социологам, аспирантам, студентам-гуманитариям, но и всем интересующимся проблемами неопозитивистской социологии.

ISBN 978-5-209-12390-3

© Ахмедова М.Г., 2024

© Оформление. Российский университет
дружбы народов, 2024

ВВЕДЕНИЕ

На переломных этапах общественного развития возрастает интерес к историческим судьбам Отечества. Россия переживает сегодня именно такой период, когда важное значение в развитии современного исторического самосознания общества имеет обращение к российской социально-философской мысли конца XIX – начала XX в. Отечественная социально-философская мысль развивалась в русле мировых интеллектуальных традиций, питаясь ценностями мировой цивилизации и в свою очередь обогащая их.

К сожалению, на протяжении ряда десятилетий в нашей стране многое из интеллектуального наследия интерпретировалось односторонне, упрощенно. Сейчас становятся все очевиднее потери, которые понесла духовная культура. Нынешнее поколение исследователей истории философской мысли начинают осознавать неотложную необходимость изучения освобожденной от различного рода наслоений и умалчивания всей палитры социально-философских воззрений наших предшественников.

Одним из конкретных путей развития и обогащения российской социально-философской мысли выступает

научное освоение мирового философского наследия посредством анализа и переосмыслиния социально-философских взглядов одного из значительных представителей позитивистского направления в России Е.В. Де-Роберти.

Идейное наследие Де-Роберти обширно и многогранно. Е.В. Де-Роберти де Кастро де-ла Серда – философ-позитивист, родился в 1843 г. в Подольской губернии. Выходец из дворянской среды, он был воспитанником Царскосельского Лицея. В 1862 г. он окончил Лицей вместе с Г.И. Вырубовым, дружеское общение с которым продолжилось всю жизнь.

Значительную часть своей жизни Де-Роберти провел за границей, хотя был активным участником российского либерального движения, примыкал к партии кадетов. Оценка политических взглядов Де-Роберти может ограничиваться напоминанием того, что еще в 1880 г. он рекомендовал тверскому земству обратиться к правительству с ходатайством по поводу введения в России представительных порядков. М. Ковалевский в свое время отмечал: «Не вмешиваясь в повседневную политику, он всегда готов был поддержать своим авторитетом философа и социолога, всякое коллективное выступление европейских ученых и литераторов в защиту ли прав человека или прав граждан целого государства, без различия веры и национальности, настаивая на охране их жизни, иму-

щества, чести»¹. Эти нередкие выступления сделались поводом к доносам, и одно время поставили Де-Роберти в весьма трудное положение. Но коллективное ходатайство французских и бельгийских литераторов и ученых доставили Де-Роберти возможность свободного выбора местожительства.

Однако значение Де-Роберти как философа не определялось его общественными выступлениями. Оно всецело принадлежит сфере научного философского мышления.

В многосторонней теоретической деятельности Де-Роберти получили развитие идеи классического позитивизма вплоть до той черты в истории этого течения, за которой последовал переход в новое качество и появилось течение неопозитивизма. Его приход во многом был подготовлен трудами Де-Роберти в области методологии и воспитанием реальных носителей новых социологических идей – П. Сорокина, К. Тахтарева, А. Звоницкой. Он был словно призван самой историей для завершения фундаментальных тем, над которыми долгое время трудилась мировая наука, для подведения итогов и определения ориентиров будущего развития.

Во всех солидных исследованиях западных социологов конца XIX – начала XX в., имя Де-Роберти постоянно

¹ Ковалевский М. Страницы из истории нашего общения с западной философией // Вестник Европы. 1915, № 6. С. 421.

присутствует со ссылками на его идеи. Де-Роберти был широко известен в России и за рубежом своей педагогической деятельностью, а также активным участием в работе международных социологических организаций, в создании первых в Европе и России форм социологического образования. Он был членом Международного социологического общества, профессором Петербургского и Брюссельского университетов. Коллега и соратник М. Ковалевского, он был одним из организаторов Высшей русской школы общественных наук в Париже в начале XX в. Здесь Де-Роберти прочитал несколько курсов лекций по теории и истории социологии, истории философии, по актуальным проблемам обществоведения. Он явился одним из создателей в 1908 г. первой в России кафедры социологии, которая благодаря усилиям Е. Де-Роберти и М. Ковалевского была открыта в частном Психоневрологическом институте в Петербурге.

Вместе с М. Ковалевским Е. Де-Роберти занимался редактированием монографического издания по социологии – сборника «Новые идеи в социологии», четыре выпуска которого увидели свет в 1913–1914 гг.

В течение почти 50-летней деятельности Е. Де-Роберти написал немало трудов по социологии и философии. Важнейшие из них: «Политико-экономические этюды» (СПб, 1869), «Социология» (СПб, 1880), «Прошедшее философии» (М., 1886), «Agnosticism» (СПб, 1892). Он

сотрудничал в российских журналах «Знание», «Слово», «Русское богатство», «Критическое обозрение», «Вестник Европы». В последние годы жизни Е. Де-Роберти вышли его работы «Новая постановка основных вопросов социологии» (М., 1909) и «Понятие разума и законы Вселенной» (СПб, 1915).

Получивший еще при жизни высокую оценку своих отечественных и зарубежных коллег, Е. Де-Роберти сегодня попал в разряд забытых имен. Работы русского ученого незнакомы нередко даже специалистам, тем не менее, они не утратили своей ценности, а их новое прочтение с учетом реалий конца XXI в. является не только данью историческому прошлому страны, ее культуре, но и одним из важнейших средств выхода современного общества из духовного и нравственного тупика.

Важность и актуальность изучения социально-философских взглядов Е. Де-Роберти, отсутствие в отечественной философской мысли специальных разработок по данной проблематике и послужили основанием для написания монографии.

Обзор научной литературы, обращенный к творческому наследию Е. Де-Роберти, позволил автору констатировать отсутствие как специальных монографических, так и диссертационных исследований в отечественной философской мысли по выделенной проблематике. Единственным монографическим изданием является работа

французского ученого Р. Верье, посвященная творческой деятельности Де-Роберти, которого он рассматривал как последователя позитivistского направления в России¹.

Вместе с тем нельзя сказать, что проблема социальной философии Де-Роберти не вызывала интереса исследователей отечественной философской мысли. О нем упоминается в энциклопедических словарях, в сочинениях по истории философии². Интересны оценки, данные Де-Роберти его современниками, как русскими, так и западными. Работы Де-Роберти получили самый разнообразный отклик, подчас противоречивый. Большинство западных ученых (Г. Де-Греef, Г. Блондель, П. Колле, А. Вебер, Г. Тард, Гумплович и др.) придавали трудам русского философа огромное значение.

М. Ковалевский оценил влияние Де-Роберти на последних, следующих образом: «Редкая книга по философии и социологии в 80-х и 90-х гг. обходилась без частых ссылок на работы Де-Роберти. ...Соглашаясь или полемизируя с ними, – подчеркивал он, – Де-Греef, Гумплович, Тард, Баланд, Колле, Вебер, Фулье, Морсел-

¹ Verrier R.. Roberty le positivisme russe et la foundation de la sociologie. Paris, 1934.

² Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 1. М., 1960; Брокгауз, Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб, 1893; Иберверг-Гейнце. История новой философии в сжатом очерке // Колубовский Я. Философия у русских. СПб, 1890; История философии. Т. 4. М., 1959.

ли и другие считали необходимым ссыльаться на те или другие мысли, им высказанные, а иногда и на всю его систему»¹.

Г. Де-Греef, познакомившись с социально-философскими взглядами Де-Роберти, пришел к заключению, что в лице русского ученого философский мир получил одно-го из «наиболее сосредоточенных умов нашего времени», имя которого принадлежит всему человечеству, ибо всю свою жизнь он посвятил большому и благородному труду по отысканию истины. Французский ученый подчеркивал, что труды Де-Роберти по философии и социологии «имеют значение не столько для русского отечества, сколько для великой «международности» обществ, на которые простирается власть социологии, одним из старейших и почетных представителей которой он является².

По мнению другого европейского социолога Блонделя, заслугой Де-Роберти перед мировой наукой явилось то, что он сумел свести всякую трансцендентальность к опыту, всякое божество сущности к понятию мира, всеобщего бытия³.

¹ Ковалевский М. Страницы из истории нашего общения с западной философией // Вестник Европы. 1915. № 6. С. 422.

² Де-Греef Г. Социология Е. Де-Роберти // Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909.

³ Блондель Г. Социология Е. Де-Роберти. Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909.

П. Колле назвал Де-Роберти великим теоретиком социологической мысли, который положил в основу своей социологической системы «биосоциальную гипотезу»¹.

Среди русских современников ученого высокую оценку творческому наследию Де-Роберти давали такие известные представители русской научной мысли, как М. Ковалевский, П. Сорокин, В. Бехтерев, Г. Вырубов и др.

Для Ковалевского Де-Роберти был одним из признанных мэтров отечественной социологии, оказавшим заметное влияние на новые поколения социологов². «Тропа, им проложенная в области философии, этики и социологии, принадлежит к числу тех, по которым пойдет еще ряд поколений из среды мыслителей, отказавших строить эти науки на априорных началах»³. Вместе с тем он видел в нем провозвестника неопозитивистского течения в России⁴.

¹ Колле П. Отношение социологии к психологии и биосоциальная гипотеза // Новые идеи в социологии. СПб, 1914. С. 2.

² Ковалевский М. Страницы из истории нашего общения с западной философией // Вестник Европы. 1915. № 6.

³ Ковалевский М. Вестник Европы. Кн. 6. 1915. С. 423.

⁴ Ковалевский М. Очерк истории развития социологии в конце XIX и начале XX века // История нашего времени (современная культура и ее проблемы). Т. 7. Вып. 27. Пг, 1914.

Другими учеными, признавшими значимость Де-Роберти в развитии мировой социологической мысли, был П. Сорокин. Более того, он назвал Де-Роберти своим учителем, которому и посвятил свой исследовательский труд «Система социологии»¹.

Известный русский психиатр В. Бехтерев, ратовавший за становление социальной психологии, оценивал Де-Роберти как поборника и основоположника этой науки в России. Его основной вклад в развитие новой науки, по мнению Бехтерева, состоял в исследовании биосоциальной теории².

Однако не все представители русской философской школы соглашались со столь высокими оценками творческого наследия Де-Роберти, не видя подчас необходимости изучения социально-философских взглядов ученого³. В. Лесевич, анализируя один из значительных трудов Де-Роберти «Прошедшее философии» (1886 г.), охарактеризовал его лишь как «тришкину философию»⁴. Л. Оболенский, оценивая другую, не менее значительную работу «Социология» (1880 г.), не только не видел в ней никакого рационального зерна, но и определял ее как

¹ Сорокин П. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994; Он же. Система социологии. Т. 1. М., 1993.

² Бехтерев В. Коллективная рефлексология. Пг, 1921.

³ Линницкий П. Идеализм и реализм // Вера и Разум. 1887. № II.

⁴ Лесевич В. Тришкина философия («Прошедшее философии») // Северный Вестник. 1886. № 10.

«факт весьма некрасивый» ввиду того, что «ее напыщенность, ходульность, ее фальшивые вывески бьют на обморочение каких-то предполагаемых дурачков и ротозеев»¹. Несмотря на столь нелестные для Де-Роберти отзывы, его научный авторитет в целом не пострадал, подтверждением чему явилось включение вышеназванной работы в серию «Международной научной библиотеки»².

У современных исследователей истории отечественной философской мысли мы не найдем, к счастью, подобного огульного обвинения Де-Роберти в научной несостоительности. Вместе с тем мы вынуждены констатировать, что круг авторов, исследовательский интерес которых обращен в сторону творческого наследия Де-Роберти, крайне незначителен. Можно отметить исследования Е. Кукушкиной, И. Голосенко. В своих работах авторы подчеркивают значимость идей Де-Роберти для развития мировой социологической мысли, в частности французской социологической науки³.

¹ Оболенский Л. Как «наши» учат Европу // Свет. СПб, 1887. № 12.

² Там же. С. 448; Лавров П. Единственный русский социолог // Дело. 1879. № 12.

³ Кукушкина Е.И. Русская социология XIX – начала XX века. М., 1993; Голосенко И.А. Исторические судьбы О. Конта в русской социологии XIX–XX веков // Социологические исследования. М., 1982. № 4.

Видится плодотворной попытка некоторых современных ученых интерпретировать взгляды Де-Роберти в контексте исследования психологического направления русской социологической школы¹.

Анализ литературы показывает, что при внимании в ней к социально-философским взглядам Де-Роберти в целом остаются неисследованными ряд основных положений: проблема истории философии, вопрос соотношения философии и науки, требует серьезного исследования проблема психологизма в социальной философии ученого, которая также не получила должного освещения.

Недостаточный интерес к столь значительной в истории как отечественной, так и западной социально-философской мысли, личности, какой является Де-Роберти, необоснован. Этими соображениями руководствовался автор, выбирая тему исследования.

Основная цель монографического исследования состоит в том, чтобы проанализировать социально-философские взгляды Де-Роберти в контексте их соотношения с представлениями о социальном развитии общества, о социальных процессах, о социальных изменениях, о социальных реформах.

¹ Алексеев В.А. Предпосылки формирования психологического направления в русской буржуазной социологии конца XIX – начала XX в. // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. Вып. 2. М., 1975; Алексеев В.А., Маслин М.А. Русская социальная философия конца XIX – начала XX веков: психологическая школа. М., 1992; Из истории буржуазной социологической мысли в дореволюционной России. М., 1980; Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX в. Л., 1978; Шкуринов П.С. Позитивизм в России XIX века. М., 1980.

софские воззрения Е. Де-Роберти. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи:

- исследовать становление позитивистских взглядов Де-Роберти;
- показать специфику понимания учеными истории философии как «факта социологического порядка»;
- рассмотреть проблему соотношения философии и науки в работах Де-Роберти;
- охарактеризовать своеобразие психологизма Де-Роберти в контексте исследования основных идей психологической школы конца XIX – начала XX в.;
- осмыслить проблему становления человеческого общества в концепции социальной эволюции;
- раскрыть понимание Де-Роберти идеи социального прогресса.

Методологическая основа исследования – конкретно-исторический анализ формирования и развития социально-философских взглядов Де-Роберти.

В своей работе автор опирается на труды Де-Роберти, которые представляют собой значительный по объему эмпирический материал, достаточный для всестороннего изучения воззрений мыслителя.

Другим важным пособием в деле исследования различных аспектов темы явилась научно-теоретическая литература, в которой анализируются проблемы философии, социологии.

Научная новизна исследования состоит, прежде всего, в характере постановки и анализа содержания и особенностей неопозитивистских взглядов Е. Де-Роберти.

На основе исследования логики становления и развития неопозитивистских воззрений Е. Де-Роберти были интерпретированы взгляды ученого на историю философии как «факт социологического порядка». В связи, с чем Е. Де-Роберти трактуется в работе как социолог истории философии.

В монографии впервые исследован вопрос о понимании Е. Де-Роберти соотношения философии и науки, который рассматривается через анализ взглядов ученого на проблему взаимовлияния философии и науки, важность решения которой обуславливается созданием научной философии. Анализ взглядов Е. Де-Роберти на проблему соотношения философии и науки позволил автору поставить вопрос о недооценке ученым роли философии в развитии науки. Более того, показано, что Е. Де-Роберти отказывает философии в праве, служить источником социального знания.

Автор всесторонне и последовательно рассматривает проблему психологизма в социальной философии Е. Де-Роберти, в контексте исследования основных идей русской психологической школы конца XIX – начала XX в. В результате предпринятого исследования констатируется, что особенность психологизма Е. Де-Роберти выражает-

лась в примирении биологизма с психологизмом, послужившем становлению биосоциальной теории, которая оказала существенное влияние на социологов как органической, так и психологической школы в социологии, нарушая тем самым внутренне единство и согласованность их учений.

На основе проведенного исследования взглядов Е. Де-Роберти на происхождение человеческого общества, процесс социализации личности и ее духовного освоения действительности, идею социального прогресса сделан вывод о наличии в социальной философии Де-Роберти целостной концепции социальной эволюции общества.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования, ее основные идеи и выводы могут использоваться в общем курсе по истории социологии, истории русской философии и социальной философии, а также при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по социальной философии.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Е.В. ДЕ-РОБЕРТИ

1.1. Становление позитивистских взглядов

Е.В. Де-Роберти

Одним из конкретных путей развития и обогащения российской философии выступает научное освоение мирового философского наследия посредством анализа и переосмысливания социально-философской концепции одного из значительных представителей позитивистского направления в России Е.В. Де-Роберти. Идейное наследие Е. Де-Роберти обширно и многогранно. Будучи энциклопедически образованной личностью, человеком широкой культуры, он разрабатывал самые различные области знания: философского, социологического, психологического, исторического. Заметное влияние в его исследованиях принадлежит собственно социально-философским изысканиям. Именно в рамках этого круга разработок Е. Де-Роберти не только проанализировал многочисленные философские направления, но и формулировал требования к философии будущего времени.

Для уяснения становления позитивистских взглядов Е. Де-Роберти, серьезное влияние на развитие которых оказала русская позитивная школа, представляется важным осмыслить сам процесс распространения и позитивизма в России. В связи с этим необходимо отметить, что в русской философской мысли отражались с большей или меньшей полнотой и ясностью все сколько-нибудь значительные философские движения, получившие развитие на Западе в прошлом столетии. Философская доктрина, будучи перенесена с Запада в Россию, приобретала собственных последователей, которые популяризовали ее, комментировали, спешили вынести из нее те или иные практические выводы. Вместе с тем следует учитывать, что развитие русской научной мысли находилось под влиянием сильной системы государственной опеки, при которой общество становилось мягкой, восприимчивой массой в руках правящих и руководящих сфер. Этим был обусловлен тот факт, что увлечение всем европейским носило в себе элементы вредного, переходящего нередко в благоговение перед тем, что только имело на себе отпечаток иностранного отличия¹. Тем не менее отрицательные стороны западного влияния на русскую философскую науку не должны закрывать положительных культурных заслуг этого воздействия.

¹ Позитивизм в русской литературе // Русское богатство. 1889. № 3. С. 4.

Так, в XVIII в. русские философы в Германии познакомились с работами Канта. Впрочем, система Канта не имела сильного отголоска в России, как и система Фихте. Большую восприимчивость высказало русское общество в отношении к идеям шеллинговой философии. В конце 30-х гг. ее сменила в свою очередь философия Гегеля, которая затем уступила место влиянию идей Фейербаха. Но господство материализма также было недолговечно – на смену ему пришла позитивная философия. Последняя имела более длительное воздействие, чем материализм и идеализм, сохранив при этом преобладающее значение для развития русской философской науки.

Позитивизм в России был одним из значительных и влиятельных учений с момента основания социологии до начала XX в. Позитивная философия дала отечественной и мировой науке немало крупных имен, внесших ценный вклад в развитие теоретических и методологических проблем обществоведения. Русский и западный позитивизм развивались в тесной взаимосвязи, обогащая друг друга теоретическими выводами и изысканиями. Не случайна в этой связи обратная зависимость, влияние многих русских позитивистов (М. Ковалевского, Де-Роберта в особенности) на западную, в частности французскую, социологическую науку¹. С другой

¹ Голосенко И.А. Исторические судьбы идей О. Конта: Трансформация позитивизма в русской социологии XIX–XX вв. // Социологические исследования. 1982. № 4. С. 196.

стороны, сочинения Конта не были «прочитанной и забытой» книгой. Они послужили становлению русской философской и социологической школ, обогатили философскую мысль, способствовали ее национальной самостоятельности и теоретико-методологической обоснованности.

Возникший как новое направление в мировой философской науке позитивизм отказался во многом от тех завоеваний в области духовной культуры, которыми могли гордиться их теоретические предшественники. Одним из своих исходных принципов позитивизм объявил враждебность философии к действительно философской проблематике. Позитивизм стремился перенести философские вопросы из области абстрактной спекуляции в область действительной общественной жизни, определить практическую значимость тех или иных теоретических обобщений. При этом основная научная направленность новой отрасли знания выражалась в формировании нового взгляда на историю философии с позиции истории и социологии. На основании исторического прошедшего и определенного настоящего позитивизм пытался рассмотреть будущее, принимая за основу – закон трех fazisov», открытый Контом. Однако описывая реальное содержание истории философии, позитивизм не смог привести к раскрытию сущности социальных процессов. Он выдвигал и защищал одну ключевую идею, из которой вытекали весьма существенные следствия. Это была идея такой

философии, которая преодолела бы противоположность материализма и идеализма, отказываясь между тем решать основной вопрос философии, поскольку он объявлялся неразрешимым. С точки зрения позитивизма философия должна принять в качестве модели для себя эмпирическую науку, строиться по образу и подобию науки, понимаемой как нейтральная в мировоззренческом отношении, т.е. по отношению к основному вопросу философии.

Основное положение позитивизма в вопросе о предмете философского знания, сформулированное впервые О. Контом, гласило: наука заменяет собой философию. Позитивизм выдавал себя за воззрение, освобождающее будто бы науку из-под ига догматической натурфилософии и гегелевских спекуляций. Основной философский смысл позитивизма заключался в отрицании какой бы то ни было иной философии, кроме агностицизма. Проводимая под флагом «веры во всесилие» науки, позитивизм вел в конечном итоге к утрате уверенности в силы человеческого познания, а, следовательно, и в перспективы науки. Русская интеллигенция с радостью восприняла позитивизм, который давал высшую, прикрыtą авторитетом науки, санкцию пренебрежительного отношения к философии. Основным пафосом интеллектуальной жизни России была вера в науку, в возможность разрешить общественные вопросы средством научного знания. Все это

делало новое учение в глазах русской публики наиболее адекватным духовной атмосфере времени. Наконец, позитивизм давал право своим адептам одинаково отрицательно относиться и к догматически-религиозному мировоззрению, державшему так долго в оковах русскую мысль, и к идеалистической философии, на почве которой начало развиваться в 50-х гг. прошлого столетия самодовольное самобытничество с девизом: «Назад к старорусским традициям в старую Русь»¹.

Идеи позитивной философии оказалисьозвучными интеллектуальным поискам русской молодежи, в среде которой в 40-е гг. прошлого столетия отмечалось увлечение «широкой общечеловеческой наукой». Знакомство с трудами Конта представителей естественных наук, обращение к его идеям обществоведов сопровождалось быстрым ростом популярности нового европейского учения, и уже к концу 60-х гг. Россия вступила в пору расцвета позитивизма.

Позитивизм, сделавший громадные завоевания на Западе благодаря историческим условиям, выступая под знаменем точных наук, не остался без последователей и в России. Впервые заговорил о позитивизме в России В. Миллютин, который еще в 1847 г. в журнале «Отечест-

¹ Позитивизм в русской литературе // Русское богатство. 1889. № 3. С. 10.

венные записки» начал излагать систему Конта. Блестящий знаток современных ему экономических теорий, юрист, социолог, публицист, одним из первых познакомился с содержанием «Курса позитивной философии». «Основным результатом этого воздействия оказалось восприятие им принципа возможности и необходимости эволюционного («постепенного») развития человечества. Эта установка русского мыслителя была сформулирована до европейских революций 1848 г.»¹.

Одновременно Контом заинтересовались В. Белинский и В. Боткин. Уже тогда Белинский выразил свое определенное отношение к этому направлению. В письме к Боткину он писал: «Конт – человек замечательный, но чтоб он был основателем новой философии, далеко кулику до Петрова дня! Для этого нужен гений, которого нет и признаков в Конте. Этот человек – замечательное явление, как реакция теологическому вмешательству в науку, и реакция энергическая, беспокойная и тревожная»². Белинский, таким образом, видел в позитивизме крайнюю реакцию на метафизику, он понимал, что учение Конта не представляет собой новой философии, а заключает в себе только протест против оторванности философии от науки. В сущности, эту сторону отмечал в позитивизме и

¹ Шкуринов П.С. Позитивизм в России XIX века. М., 1980. С. 107.

² Белинский В. Избр. философ. соч. М., 1948. С. 526.

А. Герцен, когда отожествлял его с конкретными науками, в развитии которых он видел антиметафизическую направленность¹.

Усиленное распространение позитивизма в России падает на 60-е гг., когда в русской философской литературе все чаще и чаще стали появляться не только работы, характеризовавшие это направление, но и произведения самих представителей первого позитивизма, переведенные на русский язык. Так, уже в середине 60-х гг. появляются переводы некоторых сочинений Д. Милля, Г. Спенсера, Г. Льюиса.

Здесь следует отметить, что позитивизм в России по-разному воспринимался представителями различных направлений. Философы-идеалисты пытались представить позитивизм как течение, близкое материализму.

В третьем томе «Философского лексикона» в статье о Конте С. Гогоцкий (профессор Киевской духовной академии, а затем Киевского университета) отожествляет его с направлением материализма. Он писал: «Крайним представителем этого нового материализма XIX в. во Франции был Конт, примыкающий отчасти к группе французских социалистов»². Гогоцкий порицал Конта за то, что он «не дает никакого места идеи Бога в своей положи-

¹ См.: Герцен А. Собр. соч. в 30 т. Т. 13. М., 1953. С. 95.

² Гогоцкий С. Философский лексикон. Т. 2. Киев, 1866. С. 180.

тельной философии»¹ и ухватывается за тот факт, что Конт задумал создать новую религию человечества и враждебно относился к атеистам. Русские богословы, естественно, были встревожены тем, что основоположник позитивизма проповедовал идею о создании религии без бога, и старались убедить читателя в несостоятельности учения Конта лишь только потому, что оно противоречило учению христианской церкви.

Совершенно с противоположных позиций выступил против позитивизма Н. Чернышевский. Исходя из материалистических принципов своего учения, он резко отрицательно отзывался о позитивистской гносеологии и считал ее «запоздалым выродком критики чистого разума Канта»². По мнению Чернышевского, Конт не внес ничего нового ни в науку, ни в философию. Его форму о трех состояниях мысли (теологическом, метафизическом, позитивном) Чернышевский называл «вздорной», ненаучной гипотезой, так как «...теологического периода в науке никогда не было, метафизика в том смысле, как понимает ее Конт, тоже никогда не существовала»³.

Однако Чернышевский видел, что позитивная философия после Конта быстро распространяется и особым

¹ Гоголецкий С. Философский лексикон. Т. 2. Киев, 1866. С. 180.

² Чернышевский Н. Полн. собр. соч. Т. 14. М., 1949. С. 651.

³ Там же.

успехом пользуется среди ученых, занимающихся наукой.

Действительно, самую благоприятную почву позитивизм нашел у естествоиспытателей, многие из которых увлеклись этим учением потому, что оно первостепенное значение придавало конкретным наукам. Поэтому совершенно естественно, что в ведущих журналах середины 60-х гг. – в «Современнике» и «Русском слове» – появляются большие статьи с подробным изложением основных положений позитивной философии и положительным отношением к ней¹.

Как уже ранее было отмечено, основным философским направлением до 40-х гг. XIX в. в Западной Европе был немецкий классический идеализм, который достиг своего наивысшего развития в философской системе Гегеля. Но философия классического идеализма уже в 30-х гг. XIX в. не могла удовлетворять тем задачам, которые возникали в результате бурного развития естественных наук. Поэтому вскоре наметилась новая тенденция построения философской системы на основе естественно -научных знаний. Такая попытка в философии была сделана позитивизмом.

¹ Ватсон Э.О. Конт и позитивная философия // Современник. 1865. № 7-8, 11-12; Писарев Д. Исторические идеи Конта // Русское слово. № 9-11.

Обращение представителей позитивной философии непосредственно к естественным наукам привлекло внимание многих естествоиспытателей в разных странах и вызвало их одобрение, так как создание философской системы, основанной на достижениях естественных наук, было закономерной потребностью того времени. Являясь своеобразной реакцией на классический идеализм, позитивизм, поэтому и воспринимался как новая философская система. Конечно, позитивизм не смог верно решить вопрос о соотношении философии и науки, он только по-своему его поставил. Диалектический материализм в то время только зарождался, и для усвоения его естествоиспытателям требовалось время, тогда как позитивизм подкупал своим непосредственным обращением к наукам. Он воспринимался представителями науки как первая попытка открыть постоянные законы, действующие в природе и обществе, выработать строгую систему, в которую бы входили не только основные отрасли человеческого знания, но и принципы практической деятельности людей.

Е. Де-Роберти воспринял и истолковал идеи позитивизма по-своему. Характеризуя позитивизм как течение в целом, он отводил ему значительное место в духовной жизни своего времени.

В исследованной автором литературе, обращенной к творческому наследию Е.В. Де-Роберти, практически от-

существует материал, позволяющий судить о становлении Е. Де-Роберти как ученого, его работах в этот период, основных вехах формирования позитивистского мировоззрения социолога. Этим обусловливается необходимость расширить представление о творчестве Е. Де-Роберти, столь значительного, в развитии позитивистской философии.

Уже в первых работах Е. Де-Роберти, опубликованных в период 60–80-х гг. прошлого столетия, прослеживается стремление российского философа очертить круг проблем, связанных с разработкой нового метода исследования философского знания. Показательной в этом отношении является статья «Наука и метафизика» (1875), в которой Е. Де-Роберти впервые поставил вопрос о необходимости разработки особого принципа, способствующего, по его мнению, созданию истории философии. Далее, в работе «Обозрение позитивистской философии», а также первой части книги «Прошедшее философии» (1881) Е. Де-Роберти попытался вслед за Контом установить законность исторической и социологической точки зрения в философии. Он полагал, что будущее развитие научной философии предполагает перестройку и переосмысление истории философии. Законченная в 1886 г. работа «Прошедшее философии» была первоначально опубликована на русском языке, не вызывая в цензурных кругах особого нерасположения к себе. Однако последую-

ший труд ученого «Позитивистская философия и существование сверхъестественного» требовал, по мнению К. Победоносцева, наставника царя Александра III, Прокурора Святейшего Синода, внеочередного и скорейшего вмешательства чиновников от цензуры. На издание был первоначально наложен секвестр, а затем тираж был уничтожен. Е. Де-Роберти достаточно серьезно воспринял подобное предупреждение, а встреча с Г. Победоносцевым не оставила у него никакого сомнения в бесперспективности попыток опубликовать книгу в России. Последнее побудило его отказаться от изложения собственных мыслей на родном языке. Начиная с 1887 г., все работы Де-Роберти писал на универсальном и единственном пригодном для понимания будущими поколениями французском языке¹. Уже в 1887 г. книга, на которую в России было наложено вето, вышла в кратком изложении во Франции под названием «Старая и новая философия».

Время, проведенное в Париже, а Е. Де-Роберти, начиная с 1887 г. и почти до 1914 г. каждый год проводил почти полугодие во Франции, не прошло для него в плане творчества бесследно. Де-Роберти не был единственным представителем русской интеллигенции, изгнанным цензурой и вынужденным искать творческого убежища в Па-

¹ Verrier R. Roberty le positivisme russe et la fondation de la sociologie. Paris, 1934. P. 92.

риже. Такая же участь постигла известного историка и социолога М. Ковалевского, уволенного из Московского университета в 1887 г. и нашедшего свой второй дом вне родного Отечества. Г. Вырубов, друг Е. Де-Роберти по Лицею, со своей стороны предпринял крайние меры и принял французское гражданство.

Уже в годы учебы Е. Де-Роберти однозначно продемонстрировал свою склонность к социальной литературе, нежели к поэзии. Будучи еще в Лицее Е. Де-Роберти вместе с Вырубовым увлекались А. Герценом. «Дворянский либерализм и герценовский социализм были в то время всего лишь тенденцией. Но именно они нацелили Вырубова и Е. Де-Роберти на восприятие того, с чем они столкнулись позже: левым позитивизмом Э. Литтре»¹.

Большое влияние на взгляды юного Евгения Де-Роберти, в частности его переход от Герцена к Литтре, оказалась встреча с преподавателем французской литературы в Лицее, учеником Конта и другом Литтре, Е. Помье. Его уроки о движении идей в современной Франции, философии позитивизма способствовали, по словам Р. Верье, исследователя творчества Е. Де-Роберти, творческому становлению будущего социолога, подводили к пониманию проблем социальной литературы².

¹ Verrier R. Roberty le positivisme russe et la fondation de la sociologie. Paris, 1934. P. 6.

² Там же.

Е. Де-Роберти и его товарищи по учебе Вырубов, Смирнов, Дубовитский достаточно остро восприняли позитивизм Литтре и его идеи. Последний был для них даже более, позитивистским, чем Конт, философия которого в 40-е гг. прошлого столетия завладела умами русских демократов.

Аналогично тому, как это было во Франции, демократические силы России с самого начала выражали свои симпатии материалистическому истолкованию позитивизма Э. Литтре, который был одним из первых в ряду критиков контизма «слева». «Ученый с мировым именем, Литтре, – как подчеркивал В.Г. Белинский, – несомненно, содействовал популяризации первого позитивизма, хотя его взгляды были далеко не тождественны контизму»¹. Работы Литтре, создавшего теорию на контизме и против Конта, а именно – политическую доктрину левого позитивизма, сыграли, на наш взгляд, не последнюю роль в отходе представителей русской социально-философской школы в 50-е гг. прошлого века от контизма. «Те, кто принимал с энтузиазмом работу Конта «Курс положительной философии», отреклись напрочь от его «Системы», потому что в ней Конт, подобно мистицизму, выливался в консерватизм»².

¹ Белинский В. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1953. С. 66.

² Verrier R. Robert le positivisme russe et la fondation de la sociologie. Paris, 1934. P. 21.

В этой научной атмосфере формировалось мировоззрение Е. Де-Роберти. Судьба подарила выпускнику Царского Лицея встречу с Литтре, о котором он так много слышал от своего учителя и чьи идеи впитывал. Именно Помье 19 ноября 1862 г. представил Де-Роберти французскому ученому.

Особое влияние на него оказал также представитель немецкой неокантианской школы Ф. Ланге, внимание которого привлекали вопросы истории философии. В своей работе «История материализма» Ланге выделял два основных философских направления – материализм и идеализм, допуская при этом существование особой промежуточной ступени между ним – сенсуализма. Е. Де-Роберти пересмотрел позицию ученого в отношении классификации наук и взаимовлияния различных областей знания друг на друга. В отличие от Ланге, полагавшего, незначительным влияние точных наук, в частности математики и физики, на развитие материализма, Е. Де-Роберти рассматривал последние в качестве основополагающих для становления материалистической философии. Преобладание неорганических наук, отмечал он, породило философию материализма, органических – сенсуализм, надорганических – идеализм. Все три типа относились Е. Де-Роберти к «частным гипотезам», которые не отличаются всеобщим характером объяснения всей совокупности явлений. Это позволило ему отметить их односторонность,

которая, по его мнению, явилась следствием значительных пробелов в цикле «отвлеченных наук». В том или другом состоянии знания, подчеркивал Де-Роберти, следует видеть причину возникновения, существования и упадка, как религий, так и метафизических систем. Философия нового времени, как полагал Е. Де-Роберти, должна объединить в единое целое все три типа философии. Причем вся эта система должна служить теоретической основой для решения нараставших политических задач эпохи. Поэтому главное назначение позитивизма Е. Де-Роберти видел в том, чтобы дальнейшими разработками отвлеченных наук и их специальных философий приблизить время, когда от нынешнего полупонимания мира можно будет перейти к полному и ясному созерцанию общей связи явлений.

1.2. Социологический анализ истории философии

Значение творческого наследия Е. Де-Роберти в российской философской мысли трудно переоценить. В оценке российских философов, современников Е. Де-Роберти, российский ученый предстает перед нами одним из основных историков философии¹, самым решительным и

¹ См.: Позитивизм в русской литературе // Русское богатство. 1889. С. 18; Лесевич В. Тришкина философия («Прошедшее философии») // Северный Вестник. СПб, 1886. С. 177.

ярым сторонником позитивизма¹. Современные исследователи истории отечественной философской мысли не рассматривают Е. Де-Роберти в данной ипостаси, относя его в основном к представителям психологического направления в русской социологической школе². Для Е. Де-Роберти не являлось предметом его историко-философского исследования постижение человечеством всего богатства философской мысли. Русский мыслитель дал историческое обоснование философии в своей социологической концепции, не рассмотрев при этом всю историю философии, наиболее значительных ее представителей. Поэтому исследование истории философии, с точки зрения социологического аспекта, само по себе не является, как нам кажется, обобщающим, а, напротив, имеет ограниченный характер. В социологическом исследовании Е. Де-Роберти пытался доказать, что история философии принадлежит прошлому, а, следовательно, не имеет права на дальнейшее существование. И это позволяет нам охарактеризовать социологическую концепцию Е. Де-Роберти как страдающую известной долей неопределенности и односторонности. Тем не менее социологический анализ

¹ Чуйко В. Русская философия // Кирхнер Ф. История философии. СПб, 1895. С. 331.

² Социологическая мысль в России. Л., 1978. С. 198; Из истории буржуазной социологической мысли в дореволюционной России. М., 1986. С. 193.

истории философии Е. Де-Роберти заслуживает серьезного внимания ввиду того, что подобный анализ был совершенно неизвестен в прошлом столетии. Нельзя также сказать, что социологический анализ истории философии достаточно разработан в исследованиях современных историков философии.

По существу Е. Де-Роберти впервые предпринял в России попытку проанализировать историю философии с точки зрения социологии. Правомерен вопрос: можем ли мы считать Е. Де-Роберти историком философии, учитывая то, что он рассматривал философию с позиции социологии, но не философской проблематики? Думаем, что нет. На наш взгляд, Е. Де-Роберти является скорее социологом истории философии, нежели историком философии, как считали его современники, ввиду того, что его исследование не носило форму глобально-обобщающего логико-теоретического исследования мирового историко-философского процесса.

Прежде чем, рассмотреть позицию Е. Де-Роберти в вопросе о назначении истории философии, остановимся на историко-философской генеологии позитivistского взгляда на философию. Краткий историко-философский экскурс позволит отчетливее выявить наиболее существенные стороны позитivistской позиции Е. Де-Роберти.

Действительность, которую изучает история философии, представляет собой огромную совокупность фило-

софских идей, выдвинутых человечеством за всю историю существования философии. Эти идеи, закрепленные в определенных текстах, в разное время притягивали к себе лучшие умы и интерес к ним не ослабевал со временем. Уже со времен Аристотеля, хотя и неравномерно, интерес к истории философии возрастал и углублялся, тем более что возрастила и дифференцировалась сама совокупность этих идей. «И если это параллельное возрастание было неравномерным в античности и средневековье, то Новое время, и в особенности современность, характеризуется устойчивым лавинообразным нарастанием количества историко-философских исследований»¹.

Констатируя это, мы не можем не задаться вопросом: чем же объяснить феномен неизменного интереса к истории философского развития человечества? Какова общественная потребность, стремление к какой цели вызывают к жизни и руководят множеством ученых, посвятивших себя этой деятельности? Данный вопрос не следует считать риторическим, праздным. Он по-прежнему остается живым, реальным вопросом философской культуры. Он был актуален применительно к самой философии: нужна ли она, и если – да, то зачем? Известно, что в истории духовной культуры на этот вопрос отнюдь не всег-

¹ Каменский З.А. История философии как наука. М., 1992. С. 120.

да и не все отвечали положительно. Так, например, позитивисты вообще отрицали необходимость философии. Показательным в этом отношении является попытка О. Канта и Г. Спенсера, исходивших, соответственно, из «закона трех состояний» и представления о мысли, как приспособлении внутренних отношений (между элементами мозга) к внешним, доказать, что философия полностью исчерпала себя, потеряла способность к дальнейшему развитию. Хотя Конт и признавал существование специфически философской проблематики, но, подобно Д. Юму, утверждал, что философия в обычном ее понимании бессильна разрешить поставленные перед ней задачи. Конт предлагал исключить из философии онтологию, гносеологию, методологию и даже логику, и психологию. От старой философии Конт считал возможным сохранить «почти» в неприкосновенности лишь постулат скептицизма или агностицизма, то есть главное содержание философии Юма. Место прежней философии, согласно Конту, должна занять так называемая позитивная философия, задача которой состоит в том, чтобы создать «теорию науки», то есть возвести все основные науки к «строго научному» виду и согласовать их друг с другом путем построения единой классификации. Однако эта новая, позитивная философия теряет свои философские качества: она, по существу, представляет собой лишь совокупность принципов построения классификации наук.

Философию в этом смысле Конт определял как «общую систему человеческих понятий»¹. Ее характерной чертой выступает, по его мнению, признание «...всех явлений подчиненными неизменным естественным законам, открытие и низведение числа которых до минимума и составляет цель всех наших усилий...»².

Дальнейшим развитием позитивистского взгляда на философию явилась система Г. Спенсера. Эта система принесла с собой несколько иной вариант «разрешения» философии. Подобно Конту, Спенсер считал, что философия в обычном ее значении невозможна, ибо она не в состоянии справиться со своими задачами. Единственно допустимой философией, с точки зрения Спенсера, является агностицизм. Положительное решение вопросов, поставленных прежней философией, по его мнению, возможно лишь в пределах религии.

Спенсер, как и Конт, считал, что прежнюю философию с ее традиционной проблематикой должна заменить «философия» в новом значении этого слова. Такой новой философией, согласно Спенсеру, должно быть сжатое выражение тех наиболее общих закономерностей изменения явлений, которые совпадают во всех конкретных

¹ Конт О. Курс положительной философии. Т. 1. СПб, 1894. С. 2.

² Там же. С. 8.

науках. «Давая определению философии самую простую и ясную форму, мы скажем: знание низшего порядка есть знание необъединенное; наука-знание отчасти объединенное; философия – знание вполне объединенное»¹.

Спенсер неоднократно подчеркивал, что философские законы, во-первых, совершенно не касаются сущности явлений, которая недоступна ни для науки, ни для философии, а относится к ведению религии, а во-вторых, фиксирует именно «совершенное совпадение во всей области нашего опыта», т.е. одинаковые для всех областей науки описания явлений, и в этом смысле наиболее общие закономерности². Сводя философию к совокупности наиболее общих описательных закономерностей явлений, Спенсер объявил ее стоящей вне связи с материалистическим или идеалистическим решением основного вопроса философии. «Борьба, возгоревшая между материалистами и спиритуалистами, есть спор о словах, в котором обе стороны одинаково абсурдны...»³.

Сохраняющийся от старой философии постулат агностицизма, по мнению Спенсера, оказывается тем звеном, который связывает философию в новом ее понимании с религией. Наличие связующего звена, рассуждал

¹ Спенсер Г. Основные начала. СПб, 1886. С. 6.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 373.

далее ученый, предполагает все-таки качественное отличие философии от религии: для религии не познаваемое является основным объектом рассмотрения, для философии оно исходная предпосылка в завершающий итог, кладущий предел собственно философскому рассмотрению.

Какого рода границу мыслил Спенсер между философией и конкретными науками? Полагал он ее качественной или количественной? Из анализа философских взглядов Спенсера обнаруживается, что граница эта носит чисто количественный характер. С точки зрения Спенсера, философия отличается от остальных наук только максимальной степенью общности рассматриваемых ею законов. Философия в трактовке Спенсера – лишь систематизация опыта как всей совокупности явлений, описываемых по частям отдельными конкретными науками.

Полагаем, что сказанного достаточно для понимания предмета и задач философии позитивизма XIX в. Философия для них была некой сокращенной сводкой конкретных наук, их «выжимкой», либо суммирующей описываемых в них закономерностей, либо выделяющей общую всем им сторону.

Анализ позитивистского направления в России невозможен без обращения к творчеству Е. Де-Роберти. Это позволит уяснить характеристику ученого как социолога истории философии. Особо следует отметить, что изуче-

ние социально-философских взглядов Е. Де-Роберти вызывает определенную трудность ввиду сложной фразеологии и терминологии. Эта манера изложения подверглась критике со стороны ряда авторов, полемизировавших в свое время с Е. Де-Роберти. «Язык Е. Де-Роберти более чем ужасный: он не только туманен, он также иногда совсем бессмыслен»¹. Нельзя не упомянуть, в связи с этим ленинскую критику «новых измов» в философии. Мы не хотим сказать, что всякое введение новых терминов должно подвергаться критики, ибо развитие науки предполагает совершенствование понятийного аппарата. Однако такое изобретение новых терминов не должно превращаться в самоцель. В произведениях Е. Де-Роберти мы нередко встречаемся с этим.

Характерной особенностью взглядов Е. Де-Роберти было то, что он пытался по-новому интерпретировать историю философии, рассмотреть ее с точки зрения социологического исследования общих законов развития философской мысли. Недовольный существующими исследованиями в области истории философии, Е. Де-Роберти находил их чересчур «богатыми переходными формами, неожиданными сочетаниями и всевозможными компромиссами»². Российский философ полагал, что труды ис-

¹ Де-Роберти Е. Прошедшее философии. М., 1887. С. 197.

² Оболенский Л. Как «наши» учат Европу // Свет. 1879. № 12. С. 443.

ториков философии часто страдают мало научными стремлениями к конкретной полноте очертаний. Желая исправить эти недостатки, Е. Де-Роберти и предложил собственный социологический анализ истории философии. Но так как социологическая сторона этого факта представляет величину неизвестную, то эволюция философии, по его мнению, остается задачей неразрешимой. Отыскать эту неизвестную и доказать правомерность социологического исследования истории философии являлось основной задачей Е. Де-Роберти. Для исследования социологической концепции Е. Де-Роберти представляется важным уточнить его понимание истории философии.

«Прошедшее философии – явление сложное, охватывающее собой весь ряд философских учений, все изменения, которым эти учения подвергались в течение времени, и все отношения, которые связывают философские доктрины и системы с другими историческими фактами и с другими трудами общественных явлений»¹. Анализируя философские доктрины «прошедшего», Де-Роберти рассматривал их как давно отошедшие в историю миропониманий, выслеживал влияние факторов, приведших к медленному вымиранию прежних систем. Русский философ руководствовался твердо намеченной заранее общей точкой зрения своих предшественников (Конта, Спенсе-

¹ Де-Роберти Е. Прошедшее философии. М., 1887. С. 247.

ра, Литтре). Основная идея, которых состояла в том, что окончание эры философии началась эра положительного знания, эра позитивной философии. Руководящий Е. Де-Роберти взгляд вытекал из главного стремления, желания найти общую почву для «философии наук» и всей совокупности прежних систем, которые должны были достигнуть определенного миропонимания.

Изучение истории философии, по мнению Е. Де-Роберти, шло по ложному пути, так как ею занимались не историки, социологи, а сами философы. «Но наше время создало новую науку – социологию, а к числу явлений, изучаемой последней, принадлежат и факты истории философии»¹. Социология, на его взгляд, завершив цикл положительного знания, сделала впервые попытку создать философию наук. Во-вторых, социология, согласно Е. Де-Роберти, должна установить прочную связь между современными историко-философскими объяснениями мира и суммой факторов, которые уже действовали в этом направлении в прошедшем. Именно на социологию возлагал Е. Де-Роберти надежды, связанные с возможностью подготовить основу для становления научной философии, раскрыть причинные отношения в господствовавших ранее типах философской мысли и, таким образом, обнаружить условия, наличность которых необходима для осу-

¹ Де-Роберти Е. Прошедшее философии. М., 1887. С. 5.

ществления нового типа философии. «Вот, следовательно, какую огромную область явлений – можно без преувеличения сказать, область, обнимающую все нынешнее содержание самых распространенных философских систем – факт научного обоснования социологии и правильного понимания ее отношения к психологии отрывает от философии или, вернее, от все еще господствующей метафизики»¹. Этим Е. Де-Роберти ограничивает роль социологии. Сама по себе отдельно взятая она также беспомощна создать философию наук и все другие философские системы.

Указав на то, что научное исследование прошедшего философии возможно только на почве социологии и с помощью ее методов, Е. Де-Роберти выдвигает два основных социологических закона: «закон трех fazисов метафизики» и «закон соотношения философии и науки». Эти два закона должны были по-новому раскрыть не только «прошедшее философии», но и ее будущее.

Предметом исследования Е. Де-Роберти в основном была европейская история философии, восточные цивилизации, которые отличались от европейской множеством еще малоизвестных второстепенных условий, оставались вне исследовательского интереса ученого. «Но в

¹ Де-Роберти Е.В. Социология и психология // Новые идеи в социологии. Сб. 2. 1914. С. 5.

главном и существенном они следуют тем же основным законам социологии»¹.

Обновление истории философии началось с открытия «нового социологического закона» – закона трех фазисов метафизики: материализма, сенсуализма и идеализма, представляющих, согласно Е. Де-Роберти, последовательные этапы развития философии и полностью исчерпывающих содержание последней. Более того, общая совокупность трех фазисов, к которым апеллировал закон, представляла собой, по мнению ученого, одну метафизику. Историю философии Е. Де-Роберти представлял в основном как совокупность философских гипотез, которые неизбежно повторяют друг друга. Но сами по себе, отдельно взятые, философские системы имеют различия, позволяющие установить в «гипотетической философии» три главных типа философии.

Будучи сколком с закона трех состояний Конта, «новый» закон Е. Де-Роберти представлял также три состояния или фазиса метафизики; затем, приспосабливаясь к схеме классификации наук, закон трех фазисов метафизики распределял между шестью науками контовского ряда три своих типа метафизики. При этом разделе материализму достается математика, астрономия, физика и

¹ Де-Роберти Е.В. Мировоззрение крайнего Востока перед судом социологии // Знание. 1874. № 4. С. 92.

химия; сенсуализму – биология, а идеализму – социология. Другими словами, материализм выдвигает на первый план гипотезу, тесно примыкающую к наукам неорганического мира, исследующих общие и простые явления. Следующий тип философии выступает с гипотезой, охватывающей будущее еще необразовавшейся «гиперорганической» науки, таков идеализм. И третьим типом философии выступает сенсуализм, который охватывает науки органического мира. Все три типа философии Е. Де-Роберти рассматривает как «частные гипотезы», каждая из которых односторонне объясняет всю совокупность явлений со своей специфической стороны.

Возникает вопрос, чем являлась материалистическая философия для социолога, прилагавшего к оценке этой доктрины метод аналитического описания. Материализм оказывался сочетанием предложений и догадок, направленных к объяснению ни того или другого частного ряда фактов, а всех категорий явлений, рассматриваемых в совокупности или как одно целое. В своем развитии материализм переходил от космических вопросов к вопросам антропологическим. Если материализм строил свои общие философские гипотезы с помощью «скучных данных», почерпнутых из специальных наук – математики, механики, физики, то идеализм исходил из совершенно поверхностных наблюдений, которые еще не укладывались в рамки положительного знания. Давая общий

взгляд на значение материализма и идеализма, Е. Де-Роберти отмечал, что с исторической точки зрения материализм и идеализм составляют две основные разновидности одной и той же философии или одного и того же миропонимания. Причины их долгого воздействия на громадные периоды в истории человечества Е. Де-Роберти видел в отсутствии научных знаний о целых разрядах явлений.

Исследуя «прошедшее философии», историю материализма и идеализма, Е. Де-Роберти пришел к необходимости их классификации. Выход из этого затруднительного положения дает предложенная Контом классификация наук или, вернее, лежащая в ее основе классификация явлений. Такая классификация, по мнению Е. Де-Роберти, лучшая из всех возможных, ибо показывает необходимые и постоянные отношения между явлениями, а также может быть применена для математического группирования философских мировоззрений прошедшего. Эта классификация представляла для него прочный и широкий базис, на котором можно одинаково основывать и разделение знания положительного, точного, а классификацию знания «гипотетического».

В своей классификации Конт дает три резко дифференцированные области явлений: неорганическую или физико-химическую группу с ее математической основой, органическую или биологическую, которая зиждется на предыдущей, и, наконец, гиперорганическую или пси-

хо-социологическую, которая в свою очередь имеет биологическое основание. К этим трем группам явлений Е. Де-Роберти сводит все выведенные им общие гипотезы прежней философии, а, следовательно, и все системы, на которые она распадается. Таким образом, получается трехчленная классификация мировоззрений прошедшего, две из которых были рассмотрены,

Мир органических или биологических явлений, составляющих переход от космологии к социологии, Е. Де-Роберти относил к сенсуалистической философии. Определяя место сенсуализма в ряду материализма и идеализма, Е. Де-Роберти рассматривал его наряду с другими философскими системами как вполне самостоятельную философию миропонимания.

С точки зрения Де-Роберти, сенсуализм представлял собой особенно «выдающуюся», посредствующую fazу развития в двойном процессе материалистического и идеалистического, которые принимают в «истории миропонимания» всевозможные формы и составляют, в сущности, все содержание «прошедшего философии». Российский философ находил много общего между сенсуализмом и материализмом. Так, например, краеугольным камнем материализма является, согласно Де-Роберти, вещество, а в построениях сенсуализма – чувственное восприятие. Отсюда материализм рассматривался им как философия, обращенная в сторону внешней природы,

объекта; сенсуализм есть тот же материализм, но уже обращенный в сторону человека и его внутреннему миру. Причем первый тип философии рассматривался им как более ранний, а второй – как его продолжение.

Следует отметить, исторически и социологически сенсуализм имел для Де-Роберти совершенно различное значение. В общем развитии метафизики сенсуализм не играл роли вспомогательной или переходной фазы в развитии философского мышления, он, подобно материализму и идеализму, был вполне самостоятельным миро-пониманием. «Материализм раньше достиг определенных очертаний и в этом смысле предшествовал ему (сенсуализму – автор), но зато сенсуализм сам не предшествовал идеализму и, следовательно, не мог подготовить его господство»¹.

Идеализм, как мы уже заметили, развивался одновременно с материализмом. Обе философии стояли на одном уровне. Сенсуализм же представлял не что иное, как одну из философских односторонностей и притом порожденных теми же условиями психической и общественной организации, что сенсуализм для Де-Роберти занимал среднее положение только в классификации метафизических систем. Историческое место сенсуализма в ряду основных разновидностей прежней философии со-

¹ Де-Роберти Е.В. Прошедшее философии. М., 1887. С. 96.

всем иное. Сенсуализм выступает здесь как последняя, завершающая стадия развития метафизики, непосредственный преемник не только материализма, но и идеализма, основная задача которого заключалась в том, чтобы «помирить» между собой эти крайности. Но так как сенсуализм является одной из разновидностей метафизики, то вследствие этого и сам остается не меньшею односторонностью, чем предшествовавшие ему философские системы. Сенсуализм является также, согласно Де-Роберти, предшественником критицизма, эволюционизма и позитивизма. «Философию нашего времени можно даже с этой точки зрения правильно характеризовать как новый сенсуализм, приспособившийся к прогрессу во всех областях знания, как умозрительную систему, принявшую на себя и успешно доведшую до конца задачу, очевидно, превышавшую силы прежнего, исторического сенсуализма»¹.

Место, отводимое Де-Роберти сенсуализму в истории метафизики, нисколько не противоречит классификации науки. У Конта все три состояния умственного развития человечества представлены во взаимосвязи и обусловленности, то есть второе исходит из первого, а третье из второго, и все три образуют единый процесс эволюции.

¹ Де-Роберти Е.В. Пессимистическая теория познания // Вопросы философии и психологии. Кн. 8. 1891. С. 53.

Для Де-Роберти выделенные им три философские системы, лежащие в основании сформулированного им закона о трех фазисах развития метафизики, не выступают в качестве взаимообусловленных элементов, а лишь рядоположенных.

Все три философские системы Де-Роберти рассматривал как вид «общего незнания», который сам по себе не содействовал росту и успеху какого бы то ни было вида «точного знания». Философия лишь представляла помеху на пути всех специальных наук, а именно: материалистические гипотезы мешали развитию механики, физики, химии; сенсуалистические гипотезы останавливали рост биологии как биологии; идеалистические гипотезы все более задерживали развитие социологии и психологии. Следовательно, Де-Роберти не видел возможности прогресса философии. «Прогресс» в философии состоял, по его мнению, исключительно в усовершенствовании деталей, в обновлении старых вопросов при помощи новых данных. Однако утверждая, что философия занималась исключительно обновлением извечных вопросов метафизики, Де-Роберти, по существу, занимался тем же самым. В частности, сформулированный им новый закон социологии во многом повторял закон Конта о трех фазисах развития человечества.

Основным недостатком прежней философии Де-Роберти выделял метод исследования последней, который

не был приложен к специальным наукам. Вследствие этого, как полагал ученый, данный метод не мог проникнуть в сферу общего объяснения мира, что обусловливало его обыденный, описательный характер.

Если развитие специальных наук способствовало развитию философии, в частности использованию научных способов объяснения мира, то философия, как полагал Де-Роберти, не оказывала обратного воздействия на естественные науки. Вместе с тем Де-Роберти признавал, что это не столько вина прежних философов, сколько влияние исторических условий развития. Философия была отрезана от научных путей и у нее не было другого выхода, помимо обращения к приемам обыденного мышления. «Философия прошедшего была верным отголоском не только царившего вокруг нее общего невидения, но и тех зачатков и отрывков знания, которые уже тогда придавали глубокое значение человеческому существованию, возвышая человека над остальной природой и помогая ему в трудной борьбе с естественными силами, враждебными его личному счастью»¹.

Одной из положительных черт философии Де-Роберти отмечал стремление прислушиваться более голосу науки, нежели к религии и другим формам фантастического объяснения мира. И если есть вина философии,

¹ Де-Роберти Е. Прошедшее философии. М., 1887. С. 236.

то она оправдывалась стремлением сохранить право на существование, соединить мечту и действительность, произвольные гипотезы и точные результаты науки. Хотя Де-Роберти не исключал права прежней философии на почетное место в летописях человечества, вместе с тем он не допускал возможности последней приблизиться к знанию, вследствие чего ей и было предначертано оставаться лишь миропониманием.

Остается вопрос: в чем же состоит суть социологического объяснения общего развития философии и для чего оно было необходимо? Подобное объяснение, согласно Де-Роберти, дает право не только исследовать «прошедшее философии», но и признать метафизику полезной или вредной, или, наконец, «безразличной». По мнению Де-Роберти, разумнее предоставить вещи их естественному течению. Следует действовать не на метафизику, а исключительно на причины, обусловливающие ее возникновение и развитие. Но не следует, утверждал Де-Роберти, «предаваться праздной мечте будто, доказав глубокую нерациональность метафизики, можно повлиять на будущую судьбу. Такая надежда была бы равносильна ожиданию сверхъестественного»¹. Другое преимущество социологического объяснения истории философии, по мнению Де-Роберти, заключалось в том, что до

¹ Де-Роберти Е. Прошедшее философии. М., 1887. С. 260.

Конта философские системы рассматривались как чисто логические продукты. Этот способ объяснения общего хода развития философии Де-Роберти называл психологическим. Психологическое объяснение, по его мнению, не раскрывало ни биологических, ни социологических причин или условий развития истории философии. «История на каждом шагу свидетельствует о несостоятельности чисто психологического объяснения бесконечной смены мировоззрений, – подчеркивал Де-Роберти, – и история не менее постоянно указывает на важную роль в этой эволюции общественных факторов»¹. В противоположность этому социологическая теория претендует на всеобщий характер объяснений истории философии, а не одной части философии, как делает это теория психологическая, составляющая результат сенсуалистической критики. Тем самым Де-Роберти отстаивал необходимость замены истории философии новым положительным знанием, позитивной философией.

Таким образом, глубокий анализ и оценка взглядов Де-Роберти в отношении бесперспективности существующей философии, насыщенной псевдопредложениями материализма, идеализма и сенсуализма, ограниченности метафизического понимания, а с другой стороны, преимуществ нового социологического закона, позволяюще-

¹ Де-Роберти Е. Прошедшее философии. М., 1887. С. 333.

го понять причины вымирания метафизики и медленного зарождения философии наук, позволяет охарактеризовать Де-Роберти не только как историка философии, но в большей степени социолога истории философии.

1.3. Соотношение философии и науки

Вопрос об отношении философии к науке, а тем более науки к философии возник в истории философии значительно позднее, чем эти отношения реально сложились в том или ином виде. Уже на заре эпохи эллинизма выделение специальных наук из нерасчлененного прежде философского лона вызвало к жизни проблему взаимовлияния астрономии, математики, зоологии, медицины, с одной стороны, и философии – с другой. Утверждение феодализма принесло с собой угнетение науки на целый ряд веков.

В XVI–XVII вв., когда наука подняла восстание против религии, все прогрессивные философы в той или иной мере встали на сторону первой. Защита ими прав и достоинств науки приняла форму борьбы новаторской философии против философии средневекового традиционализма. Но затем идеалистическая философия Нового времени снова развернула борьбу против науки, претендуя на то, чтобы подчинить ее себе и диктовать догмати-

ческие законоположения. Однако остановить развитие науки не удалось, и последняя из всеобщих систем идеалистического философствования (в наиболее законченном виде созданная Гегелем) была разрушена напором прогресса научного знания.

Тема отношения философии к науке имеет множество самых различных сторон. Это и вопрос о мере научности в философских построениях, и проблема достоверности философского знания, и специфика доказательства в философском опоре, и вопрос о взаимовлиянии философии и специальных наук, и т.д. В известном смысле над всеми этими проблемами стоит вопрос о том, как, в каком социально-культурном контексте возникает само противопоставление философии и науки.

Известно, что такое противопоставление становится предметом систематических обсуждений со второй половины XIX в., хотя отдельные мыслители формулировали его значительно раньше.¹ Именно к концу XIX в. стали обнаруживаться различные социально-культурные функции философии и науки, а вместе с ними и различие соответствующих типов знания. Само это различие уходит своими корнями гораздо глубже – в начало эпохи Нового

¹ В частности, оно нашло достаточно резкое выражение у Б. Паскаля, вокруг нее, по сути дела, строилась вся философия С. Кьеркегора.

времени, когда возникла наука в современном смысле этого понятия, а вместе с нею утвердился тот тип культуры, который позднее, уже в XX в., получил название новоевропейского.

В русской культуре наивное преклонение перед наукой особенно настойчиво стало проявляться во второй половине XIX в. Но к этому же времени относится и блестящее развитие русской науки, особенно естествознания. Великие имена Пирогова, Менделеева, Ковалевского, Мечникова, Сеченова и т.д. знаменуют исключительные успехи русской науки и, естественно, что культ научного знания и постепенное подчинение ему всей мысли получает особую силу.

Позитивизм становился философским кредо не одних ученых, он подчинял своему влиянию широкие круги русского общества. Не случайно то, что именно шестидесятые годы прошлого столетия положили начало русскому «просвещенству» с его культом научного знания, с его стремлением к широкому распространению этих знаний. Известно, что позитивизм изображает отпочкование отдельных наук от философии, как преодоление последней и переход от философии, якобы ненаучной по своей природе, к положительному (позитивному) научному знанию. С точки зрения позитивистов, в ходе исторического процесса отпочкования от философии положительных наук философии теряет свой специфический предмет:

все, чем она занималась раньше, становится достоянием специальных наук, и философам в лучшем случае остается лишь изучение самой науки, теории научного знания.

Реакционность этой позитивистской концепции заключается в том, что она отрицает значение философии как мировоззрения, возможность и необходимость научного мировоззрения вообще, выбрасывая тем самым за борт как некий исторический анахронизм. На деле, однако, под видом отрицания философии позитивизм проповедует агностицизм и субъективный идеализм, то есть крайне реакционную философию.

В противовес позитивистскому взгляду необходимо подчеркнуть, что отпочкование от философии определенных вопросов не приводит, конечно, к исчезновению ее содержания, к потере ею предмета исследования. Наборот, философия, занимаясь уже объяснением отдельных явлений, отдельных форм движения материи, все более и более становится научным мировоззрением в собственном смысле этого слова.

Характерной чертой позитивизма была, прежде всего, вера в единственность научных методов в постижении бытия. С другой стороны, убеждение в относительности нашего знания, в его постоянной эволюции и в невозможности существования абсолютного знания. Далее, позитивизм отвергал (заранее) всякую метафизику. «Эта антиметафизическая тенденция не мешает часто тому, что

«во имя науки» утверждается явно метафизический материализм, но внутреннее взаимотяготение материализма и позитивизма есть ведь явление повсеместное»¹. Таковы общие черты позитивизма.

Обращаясь к изложению философских взглядов Де-Роберти, остановимся, прежде всего, на вопросе о понятии философии у него и о соотношении философии и науки. Это основной и решающий пункт в философских построениях Де-Роберти.

Понятие философии у Де-Роберти имеет несколько значений. В одном случае философия отождествляется с миросозерцанием. «Миросозерцание каждой эпохи, как в зеркале, отражается в философии, господствовавшей в эту эпоху»². В таком случае, что собой представляет миросозерцание? Последнее, согласно Де-Роберти, составляет совокупность представлений о природе, человеке, окружающей среде и т.д. Миросозерцание, на его взгляд, слагается из двух параллельных друг другу составных частей: из того, что уже известно, и из того, что еще неизвестно. Следовательно, одну сторону миросозерцания составляют научные данные, другую – представляет элемент вечно колеблющийся, зависящий от личного усмот-

¹ Зеньковский В. История русской философии. Т. 2. Ч. 2. Л., 1991. С. 7.

² Де-Роберти Е. Наука и метафизика // Знание. 1875. № 8. С. 19.

рения. Философия, в свою очередь, отождествляющаяся Де-Роберти с миросозерцанием, содержит в себе обе составные части миросозерцания. Но заметим, что первая из этих составных частей есть не что иное, по мнению Де-Роберти, как наука. Таким образом, философия для русского ученого выступает как совокупность научных и в то же время ненаучных данных. Если в данном случае понятие философии характеризуется Де-Роберти в широком смысле слова как миросозерцание, то в более ограниченном смысле понятие философии неизбежно сливаются с понятием той составной части всякого миросозерцания, которое стоит вне науки и может быть охарактеризовано как переменчивый остаток, не анализированный наукой. Эта часть «всякой философии», считал Де-Роберти, составляет отпечаток на всей философии. Поэтому она одна только и называется философией. В другом случае Де-Роберти дает более узкое определение философии. «Философия, в строгом или в тесном смысле слова, есть умственная формация, принадлежащая будущему, есть общая высшая систематизация всех наших концептов»¹.

История философской мысли воспроизводит перед нами много различных взглядов на значение философии, но все они имеют одну общую черту. Она состоит в том,

¹ Де-Роберти Е. Философия и ее задачи в XX веке // История нашего времени (Современная культура и ее проблемы). Т. 7. Вып. 29. 1915. С. 153.

что понятие философии определялось всегда в связи с понятием науки, ибо они ставились в то или другое отношение к более общему понятию знания.

У Де-Роберти собственно нет четкого определения науки. Наука для него – это совокупность научных знаний. Правда, Де-Роберти считал, что научное знание есть специфический вид знания вообще и эта специфичность заключается в наличии системы знания.

Характерной особенностью Де-Роберти было то, что он сознательно противопоставлял философию науке, причем уже заранее принимая, что сама философия есть особая отрасль человеческого знания, которая не может быть названа наукой. «Наука может быть не только выделена из философии как понятие, но может даже противопоставлена ей»¹. В качестве аргумента русский мыслитель выдвигает положение о том, что в отличие от частных наук философия оперирует понятиями и принципами, обладающими предельной общностью. Отсюда следует вывод Де-Роберти с полной бессодержательности философских понятий и принципов, поскольку последние применимы во всех без исключения случаях, а это равнозначно тому, что такие понятия и принципы не могут быть ни проверены, ни подтверждены. Таким образом, указание на всеобщность, составляющую специфическую

¹ Де-Роберти Е. Наука и метафизика // Знание. 1875. С. 20.

особенность философского знания, превращается в довод против признания философии наукой. «Философия могла быть только миропониманием или миросозерцанием. А наука, в свою очередь, – это и есть сама философия. В науке всегда была скрыта возможность будущего миропонимания, или будущей философии»¹.

Основное отличие науки от философии Де-Роберти видел в том, что наука объясняла отдельные части обширного целого, а философия, в свою очередь, охватывала изучение неизвестного мирового итога. «Это коренное различие в приемах проходит через всю историю наук и философских систем и в этом главным образом и выражалась преждевременность отделения от древа специального знания незрелых плодов философии, которая только такой ценой и могла приобрести внешний вид самостоятельности»². Именно эту фазу развития философии Де-Роберти характеризовал как «мнимую независимость ее от науки». Следовательно, «постоянное отношение» (т.е. отношение философии и науки) заключается в том, что «эволюция социальных наук предшествует эволюции философских систем»³. Другими словами, наука и ее развитие есть социологическая причина, а философия – социологическое следствие.

¹ Де-Роберти Е. Наука и метафизика // Знание. 1875. С. 20.

² Де-Роберти Е. Прошедшее философии. М., 1887. С. 425.

³ Там же.

Таким образом, вывод Де-Роберти заключается в том, что не частные науки отмежевались от философии, а философия отходила от наук.

Однако история познания показывает, что становление любой науки – сложный и длительный процесс. Процесс становления подлинно научного знания начался с того, что от единой нерасчлененной философской науки начали последовательно отпочковываться одна за другой сначала естественные науки, затем общественные и, наконец, науки, имеющие дело с духовной жизнью человека. Сам этот процесс отпочкования от философии отдельных наук настолько очевиден, что признается ныне за исторический факт. Следовательно, отделение частных наук от философии не может и не должно заканчиваться полным «испарением» всего исходного материала, что означало бы голое отрицание философии.

Де-Роберти, несомненно, признавал влияние, действие господствующего миропонимания на характер преобладающих в специальных науках понятий. Но это есть условное влияние, так как философия отдает науке лишь то, что сама от нее получила, и поэтому такое влияние является «отраженным». Развитие науки, согласно Де-Роберти, находилось в зависимости от множества факторов, в числе которых различные миропонимания (материализм, идеализм, сенсуализм) занимают во всяком случае второстепенное место. Главным двигателем выступа-

ет специальный метод, который вырабатывается каждой наукой своими собственными средствами.

С «чисто социологической» точки зрения Де-Роберти, между наукой и философией должен был установиться обмен воззрений, гипотез. Будучи продуктами общественного развития, философия и наука не могли не влиять друг на друга непосредственно через нравы, обычаи, традиций, язык и т.д. Не отрицая связи между наукой и философией, Де-Роберти, однако, не показывает прямое руководящее направление с той или другой стороны. На его взгляд, философия не могла делиться с наукой ни своим содержанием, ибо ее гипотезы были сами специального происхождения, ни своим методом, ибо последний был лишь «искажением научных способов открытия истины». С другой стороны, роль науки в деле философии ограничивалась двумя основными факторами. Во-первых, согласно мнению русского ученого, наука совершенно пассивно делилась своим содержанием со всеми отраслями человеческой мысли и деятельности, в том числе с философией. И, во-вторых, научные данные, переходя в философию, тем самым порывали свою прежнюю связь с наукой. Судьба этих данных в философии зависела уже не столько от дальнейших успехов этой области знания, сколько от первоначальных условий, при которых эти научные данные как бы раз и навсегда становились достоянием «спекулятивного ума». Как мы видим, на взгляд Де-

Роберти, между наукой и философией было одностороннее влияние со стороны науки на философию.

Мы убеждены, что философская мысль сыграла чрезвычайно существенную роль и влияние философских концепций на развитие науки, была столь же существенной, сколь и влияние научных концепций на развитие философии. По мнению В. Вернадского, «никогда не наблюдали мы до сих пор в истории человечества науки без философии, и, изучая историю научного мышления, мы видим, что философские концепции и философские идеи входят как необходимый, всепроникающий в науку элемент во все время ее существования»¹. Один из впечатляющих примеров такого рода дает нам послекоперниковский период развития науки, иными словами науки, без малого три столетия господствовавшей в европейской мысли – от Галилея до Энштейна, Планка или Нильса Бора. История научной мысли учит нас, что научная мысль никогда не была полностью отделена от философской мысли, что великие научные революции всегда определялись катастрофой или изменением философских концепций, что научная мысль развивалась не в вакууме. Это развитие всегда происходило в рамках определенных идей, фундаментальных принципов, наделенных аксио-

¹ Вернадский В.И. Научное мировоззрение // Философия и мировоззрение. М., 1990. С. 186.

матической очевидностью, которые, как правило, считались принадлежащими собственно философии. Разумеется, из этого отнюдь не следует, что мы отвергаем значение открытия новых фактов, новой техники или, более того, наличия автономности или даже внутренней закономерности развития научной мысли. Но это уже другая тема, говорить о которой сейчас не входит в наши намерения.

В отличие от большинства историков философии, Де-Роберти во главу исследования проблемы отношения философии и наукиставил ряд положительных наук. Первым плодом его поисков в этом направлении была уже известная нам классификация философских систем (материализм, идеализм, сенсуализм), которая в свою очередь тесно примыкает к классификации наук, принятой позитивной школой. Но классификация наук не основана на одной почве с классификацией философских систем, выдвинутой Де-Роберти. И в этом смысле первая совершенно независима от второй. Тем не менее деления классификации наук соответствуют главным ступеням иерархической лестницы отвлеченного знания¹. Существенное отличие классификации философских систем от класси-

¹ Де-Роберти Е. Прошедшее философии. М., 1887. С. 248.

Этот вопрос подробно освещен во втором параграфе первой главы.

фикации наук Де-Роберти видел в отсутствии последовательных ступеней развития философских систем, наличии в ней одновременных явлений. Параллельное изучение обоих рядов – ряда наук и ряда философских систем – позволит, считал Де-Роберти, выявить условия, влияющие на развитие философии. Отсутствие научного объяснения обширных категорий явлений, по его мнению, порождало и поддерживало существование философии, ибо последняя с большим успехом оперировала ненаучными данными. Отличительной особенностью последней являлось то, что она не зависела от специальных наук.

Для чего же было необходимо такое сопоставление и параллельное изучение обеих классификаций – ряда наук и ряда форм метафизики? Де-Роберти считал, что ни одна из этих двух классификаций в отдельности не может привести к открытию условий, влияющих на развитие прежней философии. Задача Де-Роберти состояла в том, чтобы перейти от «социологической теории» к «социологическому применению», что позволило бы правильно поставить вопрос о будущей философии. Другой важной задачей было показать, каково взаимовлияние науки и философии, как шел их процесс развития. Третьей особенностью этого вопроса было создание философии наук.

Известно, что Конт, показывая последовательную смену трех faz умственного развития, обходит вопрос о

причинном отношении между двумя группами явлений: состоянием философских и научных понятий в каждую эпоху. В русской позитивистской литературе существовало несколько точек зрения по данному вопросу. Согласно одному толкованию, состояние философии считалось главной социологической причиной, определяющей состояние науки. Следующая точка зрения характеризует обе группы явлений и ставит их в тесную зависимость от новой группы или от фактора психологического, признаваемого общею причиной. Наконец третья гипотеза открывает прямо обратное отношение между развитием науки и развитием философии¹.

Признавая историческую достоверность факта, лежащего в основе закона О. Канта, Де-Роберти отвергает факт о преобладающем влиянии философии на другие специальные науки. Де-Роберти относил себя к сторонникам третьего объяснения, заключающегося в признании за состоянием наук всех свойств преобладающей причины, а за философией – характера необходимого следствия. Большинство представителей позитивистской школы стояли на первых двух точках зрения. Сам Конт не отдавал ни одной из трех гипотез решительного предпочтения. Конт в своем знаменитом законе о трех стадиях

¹ См.: Гром Н. Отношение философии к науке и искусству. Киев, 1883. С. 27.

умственного развития человечества, как известно, пытался показать прямую зависимость состояний научных понятий от состояния философских идей. Научные понятия и возникающие на их основе науки проходят через известные три фазы: теологическую, затем метафизическую и, наконец, стадию положительной мысли. Конт утверждал, что наука в своем поиске за истиной последовательно руководствуется тремя основными гипотезами, имеющими философский характер. Именно это толкование закона трех состояний и представлялось для Де-Роберти более всего ошибочным ввиду того, что оно было основано на наблюдении одних внешних, поверхностных признаков явлений. Конт видел «в философской мысли, как подчеркивал Де-Роберти, первую причину, приводящую в движение мысль научную, то есть, другими словами, приписывает философии в области знания ту роль, какая она в действительности играет лишь по отношению к остальным фактам культуры»¹.

В терминологию закона трех состояний Конта Де-Роберти внес некоторые поправки. Термины «теологический», «метафизический» должны служить, по его мнению, характеристикой философских воззрений, а не на-

¹ Де-Роберти Е. Философия и ее задачи в XX веке // История нашего времени (Современная культура и ее проблемы). Вып. 29. Т. 7. 1915. С. 173.

учных понятий. «Последние, как бы положительны они ни были в данную эпоху, не могут быть одновременно научными и теологическими или метафизическими»¹. Подобная терминология соответствует взгляду, для которого состояние науки обусловливается состоянием философии и обе группы явлений равномерно изменяются. Но это не соответствовало позиции по этому вопросу Де-Роберти. Русский философ считал, что терминологию Канта нельзя сохранить еще и по той причине, «что в периоды господства теологии и метафизики специальные отрасли знания были переполнены, заимствованы у таких мировоззрений понятиями и объяснениями»².

Если говорить о мысли вообще, не распавшейся еще на философию, направленную на всеобщее, и специальные науки, изучающие единое, считал Де-Роберти, можно предположить, что философия проходит через три фазы развития, предложенные Контом. Однако необходимо учитывать, что существование мысли единой, недифференцированной есть гипотеза, не имеющая реального основания. «История застает человеческую мысль уже раздвоившуюся на отрасли: научную и философскую»³. С этой точки зрения, закон трех состояний Канта являет-

¹ Де-Роберти Е. Прошедшее философии. М., 1886. С. 271.

² Там же. С. 271.

³ Там же. С. 273.

ся для Де-Роберти, очевидно, лишь удобной формулой для выражения факта замещения несуществующей еще научной философии характеристической смесью сначала теологических, а потом метафизических систем с положительными истинами. Следующей поправкой формулы Конта для Де-Роберти было то, что существование прямой генетической связи между первыми двумя умственными состояниями не дает права заключать о существовании такой же связи между ними и третьим состоянием, или что научная философия следует за метафизикой. Следовательно, утверждение Конта о том, что научная философия в своем развитии обусловлена метафизикой, для Де-Роберти неприемлемо.

Как выражение общего исторического факта Де-Роберти признавал формулу Конта чрезвычайно важной, но сама по себе она остается необъяснимой. Конт, по его мнению, не мог, например, объяснить, почему за эпохой преобладающих теологических фикций и эпохой научных объяснений следует период, в котором верховное руководство умами принадлежит метафизике, или почему появляются метафизические гипотезы, если не считать таким разрешением ссылку на причины, глубоко скрытые в области психического неизвестного. Свой ответ Де-Роберти дает в «частном» законе метафизических типов, распространяя заключающиеся в нем объяснения на всю совокупность фактов, вошедших в состав формулы Конта.

В результате получился «общий» закон соотношения между наукой и философией. Таким образом, идею отношения метафизических систем к опыту или философии к науке Де-Роберти представил как общий «закон социологии». Новый «закон социологии», или как иначе его называет Де-Роберти – «закон соотношения науки и философии», есть индуктивное распространение «закона трех типов метафизики»¹. Оба закона, по мнению Де-Роберти, составляют дополнение и разъяснение закона трех состояний Конта.

Закон соотношения науки и философии не только определял взаимовлияние науки и философии, но и решал также «будущую судьбу метафизики». Что же понимал Де-Роберти под понятием метафизики?

«В сознании позднейшего человечества метафизика во всех своих проявлениях получает значение глубоко одностороннего и ложного толкования суммы мировых явлений, и становится не только философией эпохи незнания, но, в прямом и строгом смысле этого слова, и философией незнания»². Отличительной чертой метафизики, отмечал Де-Роберти, всегда являлось отсутствие точных наблюдений в обширных областях природы. Другую, основную, бросающуюся в глаза, черту философских учений прошедшего составляет крайняя односторонность.

¹ Де-Роберти Е. Прошедшее философии. М., 1887. С. 292.

² Там же. С. 446.

Третьей особенностью прежней философии Де-Роберти выделяет ее неподвижность или, вернее, сравнительно медленный ход развития философии. Метафизика, по его мнению, всецело принадлежит прошлому. Главный источник, питающий метафизику, на его взгляд, иссякает по мере того, как относительные истины начинают занимать в науке место абсолютных и все более удовлетворительно объяснять природу. Следует также отметить, что в развитии метафизических систем Де-Роберти выделял период возрастаания и период упадка метафизики. Указанные периоды связывались с учением о теории познания. В первой фазе «концепт» непознаваемого оставался чуждым всем трем направлениям философской мысли. Этот период характеризовался как период «возрастаания метафизики». Но с развитием положительного знания «все системы почти одновременно сознали свое конечное бессилие, осознание это у всех выразилось с возникновением или постепенным развитием теории непознаваемого»¹.

Де-Роберти полагал, что развитие и возникновение «теории непознаваемого» явилось одной из причин упадка философии. Другим показателем того, что метафизика все более и более теряет прежнюю твердую почву под ногами, явилось смещение акцентов в рассмотрении априорной философии как творчества чисто эстетического,

¹ Де-Роберти Е. Прошедшее философии. М., 1887. С. 446.

как особого рода поэзии, а не научного знания. Де-Роберти понимал, что позитивизм в конце концов наносит удары не только исторической метафизике, но и всякой философии, в том числе и научной. Однако желая спасти эту философию или «положительную метафизику», он, тем не менее, отрицает важное значение для философии гносеологических вопросов, не хочет считаться с теорией позитивизма о недостаточности познавательных средств для разрешения философских проблем, с советом строгих позитивистов держаться полного нейтралитета в вопросах, выходящих за пределы опыта или наблюдения.

Постепенное отмирание метафизики может растянуться на неопределенное время, считал Де-Роберти, может случиться, что процесс этот никогда не завершится. Метафизика должна уступить место новому «научному миропониманию». Какую же роль станет играть метафизика в образовании или в возникновении философии наук? Станет ли она прямым и реальным источником научной философии? Де-Роберти явно не собирался определять для метафизики роль непосредственной родоначальницы научной философии. «Вопрос об отношении философии прошедшего к философии наук, или вопрос об истинном генезисе нового миропонимания должен быть разрешен в том смысле, что источником, прямым и реальным антицентром научной философии является не метафизика, в каком бы то ни было виде, а группа тех науч-

ных и частных истин, которые некогда легли в основу метафизической философии, которые служили ей точками исхода и опоры в течение всей ее истории и которые она, в силу глубоких психических и в особенности социологических причин, постоянно и систематически извращала»¹.

Де-Роберти полагал, что метафизика не может дать научного объяснения мира по той простой причине, что многие основные науки не были еще определены, хотя в силу исторических условий метафизика постоянно и неразрывно соединялась с частной научной истиной. И, тем не менее, новое научно-философское знание не может основываться на метафизике, а только лишь на отдельных научных данных, которые некогда легли в основу истин, подчеркивал ученый. Будущее принадлежит научному миропониманию, которое возникает на фундаменте философии специальных наук. При этом надо помнить, что если на руинах метафизики образуется научная философия, то лишь под тем непременным условием, что в главные части нового знания не войдет ни один старый камень, ни один «обломок от прежних миропониманий»². Разрушая старое здание метафизики, Де-Роберти строит на ее обломках новое здание «положительной метафизики». Здание это должно будет выстроено в новом стиле при помощи новых архитектур-

¹ Де-Роберти Е.В. Проведшее философии. М., 1887. С. 446.

² Там же. С. 232.

ных приемов¹. В своем полном цельном виде метафизика должна была уйти в область прошлого.

В чем же преимущество этой новой философии, имеющей возможность возникнуть на руинах метафизики, и каковы ее перспективы развития. Оно видится Де-Роберти в том, что в ней не будет непроверяемых гипотез. Пока будет совершаться необходимый процесс дополнительного развития специальных наук, господство в области отвлеченной мысли удержится за научно-философскими системами, составляющими переходную ступень от метафизики к строго научной философии. Однако Де-Роберти не определяет продолжительности этой переходной фазы, а также не показывает, какой будет эта особая философия, какие специальные вопросы отойдут к ней от «частных наук» (специальные). Но вместе с тем он настаивал на том, что «Философия наук ни в коем случае не сделается наукой: она должна оставаться миропониманием»². Таким образом, даже став философией наук, последняя остается, как прежде, миропониманием. Но если будущая философия основывается на научных данных и не имеет ничего общего с метафизическими гипотезами, то почему научная философия не может стать наукой? Остался открытым вопрос: почему философия, приобретя статус философии наук, по-прежнему остается миропониманием?

¹ Де-Роберти Е.В. Прошедшее философии. М., 1887. С. 250.

² Там же. С. 252.

Единственным предвестником философии наук Де-Роберти считал позитивизм, основной задачей которого являются:

- 1) умножение научного материала, в особенности в области биологии, социологии и психологии;
- 2) установление и разработка полного ряда специальных философий отвлеченных наук.

При этом философия, которой принадлежит будущее, должна отказаться от априорного знания; для разрешения философских задач вполне будет достаточно опытного позитивного материала. «Научно-философские системы, напротив того, должны принципиально отказаться служить источником, снабжающим науки какими бы то ни было предложениями»¹.

Таким образом, получается, что даже «хорошие философии» не могут оказывать никакого влияния на науку, оставаясь противопоставлениями ей. Если даже допустить такую точку зрения, что развитие научной мысли подвергалось влиянию и далеко не регрессивному со стороны философской мысли, то все равно это касается только прошлого, но отнюдь не настоящего или будущего. Итак, единственный урок истории философии состоит в том, что из нее нельзя извлечь никакого урока. Да и вообще, что представляет собой эта история философской мысли? «Кладбище забытых теорий», или же главу «Истории человеческой

¹ Де-Роберти Е.В. Прошедшее философии. М., 1887. С. 500.

глупости?». Де-Роберти в конечном итоге определил отношение философии и науки следующим образом: «Многовековая тяжба между наукой и философией привела, по-видимому, к полному поражению последней»¹. Подобное отношение к истории философской мысли было характерно не только для Де-Роберти и его современников, но и для современных западных неопозитивистов. Так, Ф. Франк писал, «что современная наука несовместима с традиционными системами философии»². С открытым отрицанием философии выступил Л. Витгенштейн, объявивший философскую проблематику не имеющей смысла и сводившей функции философии к прояснению языка науки. С несколько иных теоретических позиций эту точку зрения пропагандировал также основоположник феноменологической философии Э. Гуссерль. Он отвергал всю предшествующую мысль как ненаучную по своему содержанию, исключая лишь отдельные попытки подойти к созданию философии как строгой науки³.

В виде исключения можно упомянуть Э.А. Берта, автора известных «Метафизических основ современной науки», который допускает наличие позитивного влияния

¹ Де-Роберти Е.В. Философия и ее задачи в XX веке // История нашего времени (Современная культура и ее проблемы). Вып. 29. Т. 7. 1915. С. 150.

² Frank F. Modern science and its philosophy. L. 1949. P. 41.

³ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 129.

и важную роль философских концепций в развитии науки. Но Берт видит в них лишь своего рода подпорки, строительные леса, помогающие ученому конструировать свои научные концепции, но которые, как только здание теории возведено, могут быть убраны и в самом деле убираются последующими поколениями.

Предположим, однако, вместе с Бертом, что философские воззрения являются не более чем строительными лесами. Но и в этом случае последние совершенно необходимы для постройки, ибо они обеспечивают самую возможность таковой. Вне всякого сомнения, научная мысль может их отбросить, но только для того, чтобы заменить их другими.

Небезынтересно отметить, что вопрос о цели изучения своей истории стоял не только перед историей философии, но и перед историей науки вообще, в особенности перед историей естествознания. Так, например, Б.Г. Кузнецов в специальной статье утверждал, что «без слияния современной науки с ее историей развитие современной науки невозможно», что «наука начинает требовать от себя самой ответа на вопрос о своих возможностях и находит его в истории познания. Поэтому исторический анализ был и остается необходимой компонентой современной науки»¹.

¹ Кузнецов Б.Г. Может ли современная наука быть объектом исторического анализа // Философские науки. 1983. № 1. С. 41.

Подводя итоги, отметим следующее. «Научная философия» Де-Роберти представляла собой философию, опирающуюся на науку, часто не идущую далее синтеза научных обобщений. Можно даже сказать: здесь больше интереса к «научному мировоззрению», чем к философии. Исходное убеждение Де-Роберти при решении вопроса взаимоотношения науки и философии определялось его верой в науку, его критицизмом, отрицанием философии. Вся эпоха Де-Роберти жила тем же умонастроениями. Большая часть русских позитивистов ограничивалась догматическим отрицанием метафизики, наивно предполагая достаточным назвать метафизику пройденной ступенью развития, для того чтобы прекратить ее дальнейшее существование. Де-Роберти без колебаний и сомнений присоединился к тому духу секуляризма, которым был насыщен XIX в. Позитивизм (как исканье истины лишь в пределах опыта), углубленный построениями Конта, предопределил всю работу мысли Де- Роберти и наложил свою печать на его духовные искания.

Отчетливо представляя неполную совместимость собственных взглядов с контизмом, в конце 80-х гг. прошлого века Де-Роберти объявил себя сторонником «не всякой метафизики», а «положительной метафизики», чем фиксировал свой переход к махизму и неокантианству.

Глава 2

ПСИХОЛОГИЗМ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Е.В. ДЕ-РОБЕРТИ

**2.1. Е.В. Де-Роберти как представитель
психологического направления
в русской социально-философской мысли**

Мировоззрение Де-Роберти претерпело значительную эволюцию – от контизма к махизму. В нем можно выделить два крупных периода: 60–80-е гг. XIX в., когда происходило становление позитивистских взглядов Де-Роберти на основе идей Канта, и с 90-х гг. – переход на позиции субъективного идеализма. Начиная с 90-х гг., в работах Де-Роберти социальные изменения отождествляются с психологическими процессами. Эволюция взглядов социолога происходила в общем русле позитивизма, когда сам Де-Роберти отмечал в 1900 г., что он не отказывается от основных контовских положений, изложенных им еще в конце 60-х гг.¹ Однако он отчетливо понимал различие своих новых установок от положений,

¹ *De-Roberti. Constitution de L'éthique.* Paris, 1900. P. 40.

высказанных им раньше. М. Ковалевский вспоминал: «В беседах со мной об этом последнем труде (т.е. о «Новой постановке основных вопросов социологии») автор говорил, что ему пришлось бы многое переделывать в том очерке чисто методологического характера, который был издан им в 1880 г. в «Социологии»¹.

В дальнейшем, во втором периоде творчества, Де-Роберти, испытывая значительное влияние философских идей Канта, в то же время резко отрицательно отзывался о социологии неокантианства. Обращение психологической школы к гносеологии Канта имело первостепенное значение в эволюции позитивистской социологии ко все более открытому субъективизму. Позитивизм Конта с его элементами естественнонаучного подхода к миру сказался в новых исторических условиях слишком материалистическим.

В истории русской социальной философии психологическое направление было одним из наиболее интересных. Как самостоятельная линия в развитии русской социально-философской мысли оно сложилось в 90-х гг. XIX в. и оказalo значительное влияние на развитие как философии, так и социологии и социальной психологии. Если раньше общественная жизнь изучалась преимущественно в общем виде, в рамках единой философии, то,

¹ Ковалевский М. Страницы из истории нашего общения с западной философией // Вестник Европы. 1915. Кн. 8. С. 166.

начиная с первой половины XIX в., резко ускоряется процесс дифференциации общественных наук и повышается роль эмпирических исследований. Антропология, политическая экономия, психология, этнография постепенно превращаются в самостоятельные науки, отпочковываясь от философии, сужая тем самым ее предмет. Социальная философия становится лишь одной из многих общественных наук, а ее абстрактность и умозрительность подвергаются все более резкой критике. На очередь дня встал вопрос о создании новой науки об обществе, которая сочетала бы теоретический подход к явлениям со строгостью научного метода.

В конце 60-х гг. пионеры русской социологической мысли (П. Лавров, Н. Михайловский, Е. Де-Роберти, М. Ковалевский и др.) стремились подчеркнуть самостоятельный характер новой науки. Появляются отдельные работы, в которых уже встречается термин «социология», понимаемый как философия истории на «научной основе»¹. Вместе с тем большинство авторов не имели специальной социологической подготовки, что обусловило философский, а не социологический характер их исследований. Поскольку их социология была тесно связана с различными философскими системами, установить какие-

¹ См.: Из истории буржуазной социологической мысли в дореволюционной России. М., 1986. С. 7.

либо четкие грани было достаточно сложно. Так, по мнению Де-Роберти, «современная социология до сих пор еще всецело представляет философию или, вернее, метафизику, разрешение капитального вопроса о том, что такое общество или, другими словами, в чем заключаются конечные цели общественности»¹.

Подобную точку зрения выразил также М. Ковалевский: «Одни смотрят на социологию, обозначаемую ими подчас термином социальной философии, как на синтез обобщений, к каким приводит параллельное изучение конкретных наук об обществе.

Другие считали, что ближайшей задачей социологии является изучение факторов и форм общественности»². Это, в частности, относилось не только к русской социологической мысли, но и к социологической мысли Запада. «Отдавая дань традиции пренебрежительного отношения к термину «философия истории», они во многих своих трудах разрабатывали философско-исторические проблемы и тем самым внесли немалый вклад в философию истории»³.

¹ Де-Роберти Е. Современное состояние социологии // Новые идеи в социологии. Сб. 1. 1913. С. 31.

² Ковалевский М. Очерк истории развития социологии в конце XIX и начале XX века // История нашего времени (Современная культура и ее проблемы). 1914. Т. 7. Вып. 27. С. 69.

³ Гобозов Н. Введение в философию истории. М., 1993. С. 21.

Что касается психологического направления в русской социальной философии, то оно явилось не только результатом культурно-духовного влияния западноевропейского позитивизма, разновидностью которого в целом принято считать психологическую школу. Условия самой России, ее социально-экономическое и духовное бытие, включая и задачи освободительного движения, определили своеобразие русской социальной философии. Иными словами, речь идет о принципах теоретико-методологического плана, о философской ориентации русской социологии, о ее специфике в сравнении с западноевропейской социологией. Тот факт, что позитivistская социология в России вначале появилась в качестве импортного продукта, общеизвестен. Но бесспорно и то, что русские социологи того времени оказались не просто хорошими учениками, они критически усвоили, переработали многие идеи и в ряде случаев шагнули дальше, даже предугадав то, что позднее повторили западные социологи¹. В русской социологии рано стали появляться проблемы,

¹ Приоритет русской социологии может быть выявлен в ряде проблем: критика социал-дарвинизма и организма субъективной школой, раннее обоснование психологизма (описание феномена подражания Н. Михайловским значительно раньше Г. Тарда), типология культуры Н. Данилевского, идейно повторенная О. Шпенглером и отчасти А. Тойнби, создание П. Сорокиным теории «социальной стратификации» и «социальной мобильности».

обсуждение которых довольно быстро принимало интернациональный характер и послужило в ряде случаев дискуссионным материалом для первых международных социологических конгрессов.

Одной из предпосылок возникновения психологического направления в социальной философии был кризис позитивистских учений об обществе, в основании которых лежали в основном биологические принципы. Если для 60–70-х гг. XIX в. «престиж биологии заставлял людей, мышление которых находилось под влиянием науки, применять биологические, а не механические категории к миру»¹, то к концу 19 века оказалось уже невозможным стоять и на этой точке зрения в силу заметных успехов психологической науки.

Понятия, законы и принципы натуралистических направлений, будучи механически заимствованными из других теоретических сфер – физики, биологии и т.п., часто теряли свою содержательность, превращаясь в пустые метафоры, в «мнимонаучные понятия», как их называл Л. Петражицкий.

Постепенный отход от натурализма был в значительной степени обусловлен кризисом механистических традиций в самом естествознании. Неудачи натуралистической социологии способствовали тому, что многие социо-

¹ Рассел Б. История западной философии. М., 1993. С. 242.

логи все чаще стали возвращаться к полуза забытой мысли Канта о специфическом характере социальных законов и общественного знания.

Эта идея получила несколько иную интерпретацию в русской социально-философской мысли. Все биологические факторы стали рассматриваться как зависимые от социальных условий.

На подобной позиции особенно настаивали Е. Дероберти и М. Ковалевский. Интересную идею об обществе, как особой реальности, природу которой можно представить в виде необходимого синтеза того положительного, что успели уже сделать все старые подходы, авторитетно высказал в начале XX в. М. Ковалевский. Он полагал, что законы общественной жизни могут быть установлены лишь путем подробного изучения ее отдельных секторов и последующего объединения добытых данных в плюралистической теории¹.

Многочисленные критики не без основания утверждали, что натуралистический позитивизм потерял подлинный объект исследования, игнорируя специфику социальных явлений. Но последняя ими сводилась к более утонченным формам психологического редукционизма. Вслед за Г. Зиммелем признавалась «известная слепота»

¹ Ковалевский М. Очерк истории развития социологии в конце XIX и в начале XX века // История нашего времени (Современная культура и ее проблемы). 1914. Т. 7. Вып. 27. С. 46.

позитивизма, стремившегося изучать видимые, кидающиеся в глаза общественные системы: государство, профессиональные группы, классы, общины и т.п., совершенно оставляя в стороне бесконечно малые межпсихические отношения и взаимодействия, в которых якобы сущность общественных процессов и скрывается.

Русская социология заявила о своем самостоятельном существовании оригинально обобщенными социальными данными в стиле группового психологизма, полемическое острие которого было направлено против грубого биологического редукционизма. Это было сделано настолько убедительно, что идеи биоредукционизма в России, в сущности, так и не имели сколько-нибудь широкого успеха¹. И это несмотря на известную талантливость их отдельных русских adeptov. Достаточно указать, что многие западные органисты отмечали влияние, оказанное на них П.Ф. Лилиенфельдом.

Сторонникам психологического направления коренной недостаток классификации наук О. Конта виделся в том, что последний, по словам Н. Кареева, не отвел в ней места для психологии, «не додумался до признания того, что социология должна иметь свое основание в психоло-

¹ См.: *Фалдеев Т. Социология. Вып. 1. М., 1917; Отдельные и совершенно безуспешные попытки воскресить социологию «на почве общих законов органической жизни» продолжались в течение всего периода (В. Вагнер, Н. Воронов, Н. Васильев и др.).*

гии»¹. Подобные высказывания можно встретить у Л. Петражицкого, Е. Де-Роберти, П. Сорокина и многих других. Так, например, Де-Роберти писал, что «старый позитивизм... должен сойти со сцены, уступив место новым формам философского мышления»². Следовательно, по мнению противников организизма и биологизма в социологии, психология должна была занять подобающее ей место – основы социальных наук. Особенно заметное поражение организм потерпел на Международном социологическом конгрессе в Париже в 1897 г., а также на следующем, в 1990 г.

Основным тезисом становились утверждения о том, что природу социальной жизни можно раскрыть, лишь изучив общественные убеждения, чувства, настроения и привычки людей, складывающиеся под влиянием видения, подражания и других психологических факторов. Обращение к явлениям психологического взаимодействия людей, по мнению русских социальных философов, позволяло понять сущность истории, способствовало созданию научной философии. Сторонники психологического направления понимали духовную психическую дея-

¹ Караев Н. Историко-философские и социологические этюды. СПб, 1899. С. 148.

² Де-Роберти Е. Современное состояние социологии // Новые идеи в социологии. Сб. 1. 1914. С. 3.

тельность людей в качестве исходной первичной и определяющей характер развития общественной жизни. На этом основании выдвигались особые методы и приемы изучения этой жизни, заимствованные у психологической науки.

Применение психологического метода при изучении социальных явлений привело к пониманию общественных отношений как психических, а изучение их природы подменялось вопросом психических механизмов общества.

Характерной чертой представителей психологического направления было то, что они сосредоточили внимание на изучении психологического механизма и социальных форм проявления поведения индивида или групп. Как отмечал русский социолог И. Кон, психологическая тенденция для позитивизма не была ее собственным изобретением. «Мысль, что корни социального надо искать в человеческой психологии, вообще имманентна философскому идеализму; весь вопрос только в том, что именно понимать под психическим: абстрактные идеи, интересы или иррациональные инстинкты и импульсы»¹. Тем не менее обращение социальных философов к психологии, как основе общества, давало нечто иное по сравнению с прежней философией истории.

¹ Кон И. Позитивизм в социологии. Л., 1964. С. 54.

Хотя психологическое направление в социологии вырастает на фазе отрицания биологического направления, тем не менее, в оценке социальных явлений игнорируется роль общественно-экономических отношений. Представители психологического направления в социальной философии как раз абсолютизируют роль общественной психологии, психического взаимодействия в обществе.

Вплоть до XIX столетия, то есть до того времени, когда еще продолжалось в целом бескризисное развитие общества в Западной Европе, вопрос о роли социально-психологических факторов и их влиянии на общественную жизнь, по существу, широко не рассматривался в социальной философии. Но уже в изменившихся условиях, с середины XIX в., рассуждения о природе и сущности общества, особенностях общественных мнений, роли личности и народных масс в истории неизбежно имели выход к анализу психологического фактора. Существенным признаком социально-философских доктрин становилась попытка выйти за пределы абстрактных рассуждений о социальном, ибо реальная общественная действительность прошлого столетия «поставляла» огромный эмпирический материал социально-политических движений. Рост политической активности также становился заметным явлением в общественной жизни и вызывал стремление объяснить происходящие процессы.

С 80-х гг. XIX в. для русских философов становится понятным, что без учета деятельности масс отныне невозможно постичь исторические процессы. Однако рассмотрение активной роли масс было перенесено исключительно в плоскость народной психологии и превращено в самостоятельную силу, независимую от материальной основы. Экономические и политические явления: государство, власть, общественный прогресс – превращались в проекцию психологии, в выражение чувств и эмоций общества в целом. При этом революционно-демократическое движение представлялось как противоборствующие в обществе альтруистические и эгоистические морально-психологические факторы. Так, один из последователей французского социолога расово-антропологической школы Г. Лебона в России Ю. Португалов писал: «В открывающейся борьбе важно будет не классовое положение личности, не роль ее в социальной борьбе, а общее моральное направление психической деятельности, те импульсы, стремления и желания, которые подстрекают личность на ту или иную деятельность»¹.

Необходимость углубленного изучения психических мотивов в социальном поведении людей признавал Л. Петражицкий – глава психологической школы право-

¹ Португалов Ю. Научные проблемы криминологии // Вопросы психологии криминальной антропологии и гипноза. 1904. Вып. 7. С. 471.

ведения. Знание и изучение психологических факторов и процессов мотивации человеческого поведения представлялось Петражицкому в качестве необходимого основания в деле коренной перестройки всей системы социальной политики в современном ему обществе. Согласно его концепции, главное заключается в разработке правильной и надлежащей политики права, основанной на глубоком анализе и использовании так называемой «эмотивистской психологии», в разработку которой Петражицкий вложил много сил. Суть этой рациональной психологической политики сводилась русским правоведом к социально-психологическому совершенствованию, воспитанию «народной психики» в духе, соответствующем характеру и сути действующих правовых норм общества¹. К этому вопросу обращался и Н. Кареев. Оценивая деятельность коммунаров в период Парижской Коммуны 1871 г. с точки зрения анализа психологического порядка, он указывал на их нервную неуравновешенность, истеричность, психоз, бывших, по мнению Кареева, «результатом тяжелых переживаний»².

Наряду с социально-политическими имелись и другие основания образования психологической школы, свя-

¹ Петражицкий Л. О мотивах человеческих поступков. СПб, 1904, С. 69.

² Кареев Н. Чем была Парижская Коммуна 1871 г. Пг, 1917. С. 7.

занные с характером развития психологии. Разумеется, обращение к психологии было не случайным. Оно диктовалось успехами психологии и в первую очередь новейшими достижениями в области общей и экспериментальной психологии в последней четверти XIX – начале XX в. Именно в 70–80-е гг. XIX в. благодаря исследованиям И. Сеченова, И. Павлова, В. Бехтерева и других ученых были заложены основы научной психологии. Изучение психики человека с помощью эксперимента принесло новой науке значительные успехи. Возникла идея применить схему умственного развития отдельной личности к умственному развитию, движению целого народа. Делалась попытка создания целой науки «психологии народов», объединяющей историко-философские исследования (языка, мифов, религии, поэзии) с психологическими. Происходило сближение общественных наук с психологией. Таким образом, как мы видим, позитивизм, обращаясь к принципам, вытекающим из изучения «психологии народов», перенес их на изучение всего общества, что, естественно, привело к психологизации социальных процессов.

Принято считать, что этнопсихологию или «психологию народов» основали немецкие ученые-психологи – М. Лацарус, Г. Штейнталль, издававшие с 1859 г. специальный журнал, посвященный указанной проблематике. Концепция «психологии народов» была одной из первых

социально-психологических направлении, сложившаяся в Германии в середине XIX в. В свою очередь, Лацарус и Штейнталь восприняли идеи В. Гумбольдта и И. Герберта, психолого-педагогические работы которых, осуществленные в первой трети XIX в., оказали значительное влияние на последующее развитие психологической и педагогической науки в Европе. Что касается последующего развития «психологии народов» как самостоятельной школы, то оно связано с именем В. Вундта, рассмотревшего и обобщившего огромный фактический материал из истории языка, мифов, обычаяев и традиций. В. Вундт был наиболее заметной фигурой в истории психологической науки и лингвистике не только в плане постановки вопросов, но и выявления определенной зависимости эволюции общественных явлений от «психологических характеристик» того или иного народа. Социально-психологические идеи, высказанные Штейнталем, Лацарусом и Вундтом, оказали большое влияние на социологические теории конца XIX – начала XX в., в том числе на социологию Кареева, Де-Роберти и других. Аналогичные идеи и положения высказывались и многими другими европейскими философами, психологами, историками и культурологами. Среди них: И. Тен, Т. Робо, П. Гельтебрандт, Г. Зиммель, Г. Тард, Г. Гиддинс, С. Сигеле, Ч. Ломброзо и многие другие мыслители, так или иначе разрабатывавшие проблему «психологии народов».

В России с 1840-х гг. также начинается интенсивная разработка вопросов народной психологии, главным образом в русле развития литературно-художественного, а не социально-философского исследования. Это можно объяснить тем, что в указанное время в развитии духовной культуры наблюдался общий подъем русского национального самосознания и общественной мысли, а художественная литература представляла как отражение действительности.

В числе активных сторонников необходимости разработки вопросов народной психологии, в частности славянской, стал журнал «Филологические записки», который начал издаваться в 1862 г., т.е. одновременно с началом издания журнала Лацаруса и Штейнталя, признанных теоретиков этнопсихологии. «Филологические записки» на протяжении последующих десятилетий, по существу, постоянно обращались к указанной проблематике. Первые свои статьи, посвященные вопросам славянской мифологии, опубликовал в этом издании и Кареев, выступавший в годы своего творческого становления исследователем в области мифологии и лингвистики. Этот рано проявившийся интерес будущего социолога к вопросам мифологии и народной психологии, по существу, сохранился у него и в последующие годы, способствуя, таким образом, социально-философским обобщениям, которые получали одобрение ученых, усматривающих особенност-

ти социальной эволюции народов в их психологии. Этнопсихологический интерес Н.Кареева нашел отражение в ряде его известных работ: «Основные вопросы философии истории», «Историко-философские и социологические этюды», «Сущность исторического процесса и роль личности в истории», «Введение в изучение социологии» и мн. др.

Наряду с вышеуказанными авторами значительными фигурами в этнопсихологии признаются А. Потебня, Д.Н. Овсянник-Куликовский, создавшие целую школу в литературоведении в Харьковском университете. Особенностью их взглядов было то, что они пытались соединить в единой науке психологические, социально-психологические и историко-литературные знания. При этом литературу они рассматривали как прямое отражение общественных явлений и самой истории народной психологии. В последней ими усматривался огромный материал для понимания «народного духа» – мысль, присущая практически всем представителям психологической школы в социальной философии¹. Этих авторов объединяло представление о древних сказаниях, устном народном творчестве как содержащих обильный материал, на основании которого можно сделать заключение об этнологическом состоянии данного общества и его особенностях.

¹ Осьмаков И. Психологическое направление в русской литературе. М., 1981. С. 5.

Русские исследователи, в отличие от Лацаруса и Штейнталя, считавших «дух племени» категорией изначально данной и практически сходной у всех представителей народов, полагали, что язык, мифы и другие элементы народного сознания носят вместе с тем исторически изменчивый характер, в том числе в зависимости от условий материальной жизни народа. Последнее выступает одной из отличительных черт, отделяющих русских этнопсихологов от представителей тех учений, в которых изначальные антропологические или биологические данные рассматриваются в качестве доминантных.

Развитие психологического направления в русской философии связывается в нашей литературе с именами Н.Михайловского и П.Лаврова, в частности их работами 60–70-х гг. прошлого столетия. Авторы сборника «Социологическая мысль в России» справедливо полагают, что названным философам была присуща «заметная склонность к психологизации социальных процессов»¹. На наш взгляд, для Михайловского, в частности, было характерным некоторое преувеличение роли факторов внушения и подражания в обществе. Так, исследуя причины преступности в статье «Что такое прогресс?», Михайловский апеллировал не только к необходимости изучения корней преступления, покоящихся в общественном

¹ Социологическая мысль в России. Л., 1976. С. 136.

строе, но справедливо указывал на более глубокие, психологические основания так называемой «нравственной заразы» и массовых общественных увлечений. В качестве таковых выступают факторы подражания преступнику, что и обусловливает, на его взгляд, важность изучения природы внушения и подражания в понимании социальных явлений. Именно с неизученностью психологических корней преступления, «законов души человеческой»¹ в том числе, связывал Михайловский беспомощность криминалистов, пытающихся бороться с негативными общественными явлениями.

Хотя приведенный фрагмент не позволяет нам составить достаточно полное представление о зарождении психологического направления в русской социологической мысли, вместе с тем мы полагаем возможным говорить о том, что попытки психологически объяснить социальные явления носили автономный характер и возникли в России несколько ранее, чем на Западе. Г. Тард, один из главных представителей французской психологической школы, рассматривал Михайловского в качестве своего теоретического предшественника². Следовательно, пси-

¹ Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. Т. 2. СПб, 1907. С. 96.

² Алексеев В.А. Предпосылки формирования психологического направления в русской буржуазной социологии конца XIX – начала XX в. // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. Вып. 2. М., 1976. С. 120.

хологическое направление в русской социологической мысли возникает на собственной основе. В 1897 г. Н. Каратеев писал о психологизме в русской социологии, как о сложившейся традиции. Одним из важных принципов русской социологии он считал «признание ею психологической основы общественных явлений»¹.

Анализ социально-психологических явлений внушения и подражания и их роли в общественной жизни позволил Михайловскому сделать ряд выводов, встречающихся затем в работах некоторых социологов и социальных психологов конца XIX – начала XX в. К ним относятся Г. Тард, С. Сигеле, У. Мак-Дауголл и другие. Речь идет прежде всего об идее создания социологии на основе изучения «массовой» психологии. По мнению Михайловского, основой социологии является именно коллективная психология, ибо общество подчиняется социологическим и психологическим закономерностям².

К выводу о необходимости психологического обоснования общественных наук пришел и другой теоретик народничества П. Лавров. «Потребность в психологии как основной науке очевидна. Только она может поставить исходную точку для общественных наук, для исто-

¹ Каратеев Н. Введение в изучение социологии. Изд. 2-е. СПб, 1907. С. 13.

² Михайловский Н. Полн. собр., соч. Т. 6. СПб, 1907. С. 113–114.

рической критики событий, для понимания процесса истории»¹, – писал он. Именно с Лаврова утверждается взгляд на общество как процесс духовного взаимодействия людей. Его антропологический принцип гласит: центром социального является человеческая личность в единстве материального и духовного, нравственного и социального. Созданная Лавровым и Михайловским теория личности стала основой для дальнейших теоретических разработок этой проблемы психологистами. Будучи представителями революционного народничества, они первыми пришли к пониманию необходимости изучения закономерностей движения народных масс, поиску наиболее эффективных путей воздействия личности на «толпу», проблеме их психического взаимодействия.

Как уже было отмечено ранее, психологическое направление в русской социальной философии окончательно сложилось в 90-е гг. XIX в. В русской социальной философии существовало несколько типов психологизма. Так, к первому типу относится «коллективный психологизм», идея которого принадлежала Михайловскому. Его поддерживали С. Южаков и Н. Кареев. Смысл этого подхода заключался в том, что психическое взаимодействие людей, возникающее из потребности индивидов в обще-

¹ Лавров П. Современное состояние психологии (Статьи по философии). Вып. 4. Сер. 2. Пг, 1907. С. 17.

нии, оформляется в виде коллективной психики. Понятие «общество» сводилось к совокупности коллективных представлений, а общественные факты представляли как повторяющиеся действия «психических сил».

Второй тип психологического редукционизма – «индивидуальный психологизм» – характеризуется преобладанием субъективно-идеалистической тенденции, отрицанием реального существования коллективной психологии и концентрацией внимания на изучении психологии индивида. Наиболее яркое выражение «индивидуальный психологизм» нашел в работах Петражицкого, а также в несколько иной форме у многих неокантианцев – В. Хвостова, Б. Кистяковского и др. В отличие от первого типа, он характеризуется, прежде всего, изучением индивидуального участия личности в социальной жизни. Развитие личности и эволюцию общества Петражицкий ставил в зависимость от моральных идеалов. Этика для него становится исходным пунктом для понимания основных проблем общественной жизни.

Третий тип представлен теорией «социального психизма», предложенной Е. Де-Роберти. Она была задумана как синтез двух типов с целью снятия их односторонности и позитивного объединения в новое целое. Синтез Де-Роберти напоминал социологизм Э. Дюркгейма, согласно которому различные духовные явления (философия, религия, искусство, наука и т.п.) выполняют специфичес-

кую социальную роль в обществе. Социальные явления Де-Роберти выводил не из индивидуальных мотивов, а из специфических состояний общественного сознания, объясняющих характер социальных действий, взаимоотношений индивидов и социальных групп.

И, наконец, последний тип, так называемый «латентный (скрытый) психологизм». По мнению некоторых историков социологии, этот вид психологизма нашел наиболее четкое выражение в работах П. Сорокина, К. Тахтарева, А. Звоницкой и др.¹ Суть этого «психологизма» заключается в том, что, отрицая в теории любые формы психологического объяснения, на практике его сторонники склонялись к психологизму. Характерной чертой этого направления было определение социальных явлений как межиндивидуальных отношений, психических взаимодействий индивидов.

Таким образом, в этот период практически не существовало социально-философских концепций, не затрагивающих в той или иной мере проблем психологических факторов в объяснении социальных явлений, но вместе с тем по-разному определявших роль последних в эволюции общества. В этой связи требуется уточнить специфику «психологизма» Де-Роберти и его место в русской психологической школе.

¹ См.: Социологическая мысль в России. Л., 1971. С. 347–348.

Этот вопрос, на наш взгляд, является достаточно сложным и дискуссионным, требующим дальнейшего исследования. Он дебатировался в отечественной литературе как русского, так и советского периодов. Так, авторы сборника «Из истории буржуазной социологической мысли» полагают, что «наиболее четко психологическая ориентация была выражена в теоретических взглядах Е.В. Де-Роберти»¹ и рассматривают его в качестве главы психологической школы. М. Ковалевский, со своей стороны, не относил русского социолога ни к психологическому, ни к биологическому направлению в социологии. По его мнению, Де-Роберти являлся представителем нового направления в социологии – «биосоциальной гипотезы»², суть которого в основном сводилась к попыткам примирения «старого» позитивизма с новыми веяниями в социологии, то есть с психологизмом. Адекватную позицию в отношении основной задачи «биосоциальной гипотезы» занимал и Де-Роберти.

Особенность психологизма Де-Роберти заключалась в том, что последний полагал индивидуальную психологию продуктом как биологических, с одной стороны, так

¹ Из истории буржуазной социологической мысли в дореволюционной России. М., 1986. С. 120.

² См.: Ковалевский М. Очерк истории развития социологии в конце XIX и начале XX века // История нашего времени. Современная культура и ее проблемы. Вып. 27. Т. 7. 1914.

и социальных причин и факторов, с другой. Биология и социология в связи с этим должны, по его мнению, стать основой социальных наук, направленных на изучение различных сторон психологического взаимодействия индивидов, проявляющихся в науке, философии, искусстве и практической деятельности. Наука и знание рассматривались им как зависимые от внутренних качеств людей, их коллективного опыта. Для Де-Роберти уровнем научного знания определялось содержание и характер философии, религии, которые в свою очередь влияли на содержание и направление искусства. Сфера производственной деятельности человека рассматривалась Де-Роберти зависимой от названных факторов. Практика, труд, таким образом, оказываются производными от науки, религии, философии и искусства.

На основе изучения отношений между наукой, философией, религией, искусством и практической деятельностью Де-Роберти вывел закон четырех факторов культуры.

Проблема социальных факторов была одной из центральных в социологических спорах рассматриваемого периода, тем стержнем, вокруг которого и с помощью которого социологи позитивизма пытались решить исходные вопросы социально-философской теории. Эта тенденция нашла отражение в трудах Ковалевского, Кареева, Де-Роберти, Сорокина и мн. др. В их произведениях прослеживались идеи принципиальной полезности в социо-

логии, плюралистического понимания общества и его законов. Тем не менее, ими осознавалась потребность свести к общему знаменателю все стороны социального целого, дать синтетическое обобщение роли различных факторов.

Появление теории взаимодействия факторов было обусловлено фактическим пониманием неудовлетворенности тех социально-философских доктрин недавнего прошлого, в которых преувеличивалось значение какого-либо одного фактора в истории. Примечательна в этом плане, во-первых, философия истории Гегеля, в которой поступательное движение человечества представлялось как развертывание и реализация некоего абсолютного духа, владельцем которого в определенные периоды истории являются те или иные народы. Во-вторых, концепция взаимодействия факторов есть детище критики и преодоления социально-философской теории О.Конта, согласно которой общественный прогресс определяется умственным развитием, проходящим теологический, метафизический и позитивный этапы в своем движении¹. Указанные подходы Гегеля и Конта были подвергнуты критике, в том числе и теми социологами, которые начинали свою творческую деятельность как сторонники позитивизма.

¹ См.: Алексеев В.М., Маслин М.А. Русская социальная философия конца XIX – начала XX в.: психологическая школа. М., 1992.

Концепция социальных факторов использовалась не только в деле преодоления контизма и гегельянства, но и материалистического понимания истории, которое представлялось также в виде односторонней теории, акцентирующей основное внимание на исследовании проявления в истории экономического фактора.

К теории социальных факторов причастен и Де-Роберти. В исходных пунктах своих взглядов Де-Роберти пытался доказать необходимость плюрализма на том основании, что раз человек подчиняется физико-химическим, биологическим и психологическим законам, то правомерен именно такой подход, который бы в равной степени учитывал эти обстоятельства. Конечно, такое оперирование сложной природой человека фактически не позволяло и не могло служить гарантией понимания особенностей и тенденций исторического развития. Признание законообразности общественной истории подрывает саму идею социологического плюрализма, как определенного принципа изучения общества. Понимая это обстоятельство, многие русские социологи при конкретном анализе истории покидали вольно или невольно точку зрения плюрализма. Таковы исторические исследования Н. Кареева по истории Западной Европы нового времени, а также М. Ковалевского.

Несмотря на попытки доказать положение о невозможности в общественных науках последовательного

монизма, Де-Роберти, сам того не замечая, часто оказывался в роли мыслителя, защищающего разновидность монистического понимания истории. По мнению Де-Роберти, в истории вообще трудно выделить главный фактор. Де-Роберти признавал влияние экономического фактора, однако утверждал, что психологическое взаимодействие является исходной точкой общества, следовательно, и социологии¹. Он также разделял вместе с Ковалевским позицию одновременного и параллельного воздействия многих причин. Согласно Де-Роберти, «...одно и тоже явление может быть и причиной и следствием другого явления»². Еще раньше позицию равнозначности всех элементов общественной жизни высказал Н. Михайловский, который писал: «... чтобы уловить законы социальной динамики, то есть общественного прогресса, мы должны одновременно следить за движением всех общественных элементов сразу»³.

Необходимо также отметить, что Де-Роберти, как и большинство русских социологов, на самом деле не останавливался лишь на констатации сложного характера общественной жизни, часто «вынужден» был заниматься

¹ Де-Роберти Е. Новые постановки основных вопросов в социологии. М., 1909. С. 59.

² Де-Роберти Е. Современное состояние социологии // Новые идеи в социологии. 1914. Сб. 1. С. 37.

³ Михайловский Н. Полн. собр. соч. Т. 2. СПб, 1907. С. 62.

ответом на вопрос о ведущей силе в ряду факторов общественной жизни. «Социальная философия уже тогда делала попытку «разорвать» порочный круг «взаимодействия факторов», но не за счет отрицания последнего, а за счет выделения определяющего фактора в процессе взаимодействия»¹.

Таким образом, защита теории взаимодействия факторов без попыток выяснения субстанциональной природы общества как нельзя лучше показала невозможность быть строго последовательным в социологии, оставаясь на почве «принципиального плюрализма».

Проделав эволюцию от контизма к махизму, Де-Роберти в результате отказался от идеи психологизации социологии, слияния ее как с биологией, так и «прагматизмом» (историческим материализмом), и выступил за автономию молодой науки, что в основе социологии должна лежать нравственность. Тем не менее нельзя не сказать, что из социологии все более и более устранялось коренное заблуждение психологической школы, притягавшей на возможность выводить законы, управляющие общественной жизнью, из изучения и точного определения психологической природы индивидуального человека.

Подводя итоги, отметим следующее. Де-Роберти внес весомый вклад в разработку ряда проблем: теории ценност-

¹ Алексеев В., Маслин М. Русская социальная философия в конце XIX – начале XX века: психологическая школа. М., 1992. С. 56.

тей, теории малых групп, концепции социальных факторов, социальной эволюции, способствовал разработке теории личности. В центре исследовательского интереса Де-Роберти находилась проблема личности. Им было продолжено исследование проблемы идеала и научного знания, исторической необходимости и социального прогресса. Во всех случаях личность провозглашалась единственной целью прогресса и главным критерием общественного развития.

Многие рациональные положения Де-Роберти оказали значительное влияние на дальнейшее развитие философии, социологии, психологии. На этой основе родилась новая наука – социальная психология. Так, В. Бехтерев, оценивал Де-Роберти как поборника и основоположника этой науки в России, давшего «проникновенный анализ» исследования биосоциальной теории¹.

И все же значение Де-Роберти для развития общественных наук достаточно велико. Кроме выделения особого предмета исследования – социальной психологии, – заслугой Де-Роберти стало определение роли личности как основного элемента социальной действительности, как существа, обладающего в первую очередь не биологическими, а психологическими особенностями. Однако попытка психологизации общественных отношений заво-

¹ Бехтерев В. Коллективная рефлексология. Пг, 1921. С. 65.

дила его и в другую крайность, которая выразилась в механическом перенесении законов психологии в область социально-исторических явлений. Под влиянием успехов новой науки Де-Роберти был склонен полностью сводить социальное к психологическому, а весь сложнейший механизм общественных отношений к психологическому взаимодействию индивидов.

2.2. Концепция социальной эволюции и идея прогресса

В русской социальной философии конца XIX в. появились первые концепции социальной эволюции. Одной из основных тем русской социально-философской мысли было – обсуждение проблем социальной динамики (эволюции, прогресса), faz эволюции, их последовательности, «законов и формул» прогресса. Социологи-еволюционисты при всех делавшихся ими оговорках исходили из представления, что существует единый, глобальный процесс социальной эволюции, подчиненный одним и тем же социальным законам. Согласно их мнению, все народы проходят одни и те же стадии развития, а одинаковые социальные и природные условия всегда дают более или менее одинаковую социальную культуру, обычаи и институты. Эмпирически наблюдаемые различия, многооб-

разие культурно-исторических явлений при строгом соблюдении позитивных методов исследования, полагали эволюционисты, могут быть сведены к единому генетическому ряду. Отсюда широко распространенная трактовка общей социологии как «генетической».

Русская позитivistская концепция социальной эволюции по своему научному значению не может быть оценена однозначно. С одной стороны, она была весьма плодотворной в борьбе с традиционной историографией, не поднимавшейся выше повествования об отдельных событиях. В стране, где были сильны традиции клерикализма и объективного идеализма, эволюционизм (при всех столь очевидных ныне его недостатках) имел прогрессивное значение¹.

Не случайно русские социологизирующие теологи (Г. Корсун, А. Ершов, А. Беляев, П. Линницкий) вели активную борьбу против него, обвиняя его в материализме. Напомним, что до реформы 1861 г. даже само слово «прогресс» было запрещено использовать в официальных бумагах². Но, с другой стороны, социальный эволюционизм с самого начала столкнулся с неразрешимыми на собственной основе осложнениями, связанными с опре-

¹ Позитивизм в русской литературе // Русское богатство. 1889. № 3. С. 10.

² Из истории буржуазной социологической мысли в дореволюционной России. М., 1986. С. 11.

делениями объекта изучения. Органисты П. Лилиенфельд, Я. Новиков, А. Стронин, представители географического детерминизма А. Шапов, Л. Мечников выступали за необходимость исследования проблем глобальной эволюции «общества вообще». М. Ковалевский, ранний К. Тахтарев ограничивали объект изучения рассмотрением относительно завершенных циклов развития отдельных сфер общества: хозяйства, права, государства и т.д. Де-Роберти, в свою очередь, интересовал вопрос о совместимости принципа постепенного изменения с идеей структурного единства системы, все элементы которой стремятся к функциональному равновесию.

Ответы на эти вопросы не являлись легкими и самоочевидными. Русская социально-философская мысль второй половины XIX в. упорно пыталась разрешить их. В этих попытках выявились некоторые методологические издержки позитивизма. Очень часто методологические «законы эволюции», «стадии развития» общества механически выводились позитивистами не из эмпирического материала, а неких общих принципов».

Но, несмотря на внешнее расхождение, все ветви натуралистической и коллективно-психологической социологии обладали в конечном счете еще одной сходной посылкой: последней гранью между миром природы и социальным миром, поэтому детерминантой общественных явлений они объявили психику человека. Таков исходный

пункт построения самых несхожих авторов: А.И. Струнина, Я.А. Новикова, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, С.Н. Южакова, Л.И. Мечникова и др.

Особое значение в пропаганде идей эволюционизма сыграли работы Е. Де-Роберти. Творчество Де-Роберти с наибольшей полнотой воплотило основные идеи эволюционизма, оказало большое влияние на интеллектуальную атмосферу своей эпохи. Теоретические взгляды Де-Роберти формировались главным образом под влиянием достижений естественных наук, все чаще обращавшихся к идеи эволюции. Огромное влияние на Де-Роберти оказали также работы Конта, Спенсера, Ковалевского и многих других.

Де-Роберти как представитель психологического эволюционизма в социальной философии конца XIX – начала XX в. вслед за Спенсером рассматривал развитие общества как этап космической эволюции, в которой каждая последующая ступень аккумулирует достижения предыдущих и строится на них. По мнению Де-Роберти, социальная наука «должна обнимать весь строй человечества не только в том или другом периоде его существования или в некоторых из его элементов, но во всех его началах и в полном синтезе его бытия; она должна обнимать этот строй так, будто разбросанная во времени и в пространстве социальная эволюция была разом собрана и закреплена на одной картине, которая показала бы преем-

ство и последовательность явлений и открывала бы их сцепление и единство»¹.

В отличие от биологизаторских тенденций органической школы Де-Роберти видел в усложнении форм общественной жизни результат развития сознательного начала, выдвигая лозунг – разумного управления социальными процессами.

Высшая, собственно человеческая ступень эволюции оказалась для Де-Роберти синтезом всех природных сил, сложившихся в ходе космобиосоциальной энергии (т.е. исторической). Она характеризовалась появлением «разума и цели», которых не было в действиях слепых природных сил и которые детерминируют социальную реальность. Под влиянием «разума и цели» генетические, природные основы человека (первичные желания) преобразуются в целевые, т.е. в социальные процессы, имеющие форму целенаправленных действий людей. На этой основе, согласно Де-Роберти, появляются сложные интеллектуальные, моральные и эстетические факторы, выступающие непосредственной побудительной силой социального развития.

Сначала как сторонник главных тезисов, выставленных Контом, а затем и в роли противника многих из них Де-Роберти пытался построить новую теорию социальной

¹ Де-Роберти Е. Социология. СПб, 1880. С. 73.

эволюции. Русский философ-социолог ценил попытку позитивизма создать свою теорию исторического прогресса, но не принимал его увлечение эмпиризмом и пренебрежительного отношения к широким теоретическим обобщениям. Предпринятая Де-Роберти критика теоретических и методологических основ kontовского позитивизма была вызвана тем, что он усматривал в ней наличие элементов философского умозрения. Унаследовав у Канта широкий взгляд на общество, Де-Роберти, в отличие от последнего, наделял психологические акты сложной био-социальной природой.

Вникнем глубже в этот вопрос. Конт, следуя по пути, открытому Тюрго, в особенности Сен-Симоном, смотрел на историю с точки зрения развития разума. Человеческий ум – явление социально-психологическое – Конт возводил в главный фактор или «производитель» исторической эволюции. По следам Канта пошли две школы. К первой по праву могут быть отнесены приверженцы органической теории Спенсер, Шеффле, Лилиенфельд, Вормс, Новиков и др. Вторую представляла более значительная, но менее однородная группа психо-социологов, таких, как Лацарус, Штейнталль, Геринг, Де-Греef, Тард, Зиммель, Уорд и др. Последователи органической теории, оставаясь верными учению, видевшему в психологии простую отрасль биологии, стремились отождествлять общественный союз с живым организмом. В свою

очередь, психо-социологи, отрицавшие биологический тезис Конта, старались выдвинуть тезис, отождествляющий психологический факт с социальным. Явное противоречие, лежащее в основе теории Конта, заставило Де-Роберти отмежеваться от Конта как в этом вопросе, так и в некоторых других, имевших большое философское значение. Но такой раскол не приблизил Де-Роберти ни к одному из двух направлений.

Психологический факт не есть факт чисто мозговой, утверждал неоднократно Конт, которого поддержала вся школа органистов. Вместе с тем Конт признавал, что это не единственный факт, являющийся последним объяснительным ключом истории. Это, по мнению Де-Роберти, есть сложный, биосоциальный факт. «Ряд явлений, образующих то, что называется «духом» или «разумом», есть конкретный результат тесного сочетания органических свойств, изучаемых биологией, с надорганическими свойствами, исследовать которые и должна социология»¹. Следовательно, под биосоциальным Де-Роберти понимал синтез двух теорий: органической и психологической.

В эпоху Конта никто не допускал специфиности социального факта. Де-Роберти как последователь Конта

¹ Де-Роберти Е.В. Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909. С. 79.

пытался изложить свою гипотезу о сложном происхождении и двойственной природе психологических явлений и процессов. Выдвигая на главный план вопрос о социальной специфичности, Де-Роберти расширяет его рамки так, чтобы в одной формуле объяснить не только социальную специфичность, но и ее отличие от специфиности механической. Именно таким образом Де-Роберти понимал постановку данного вопроса.

Центральное место в социально-философской теории Де-Роберти составляют биосоциальная гипотеза происхождения общества и закон четырех факторов развития культуры. Они свидетельствуют о том направлении, в котором было предпринято творческое развитие социологии позитивизма. Главный предмет изысканий Де-Роберти – этико-социальная эволюция человечества – обусловил глобальный подход к явлениям социальной жизни и универсальный характер его теории. С помощью биосоциальной гипотезы Де-Роберти пытался дать объяснения всей совокупности фактов, определяющих понятие культуры (цивилизация). Почти 30 лет Де-Роберти отстаивал истинность биосоциальной теории. Одно из своих основных положений Де-Роберти сформулировал так: «Если общественность или, употребляя спенсеровский термин, надорганическое явление и следует за биологическим фактом, оно всегда предшествует факту психологическому; так что только из глубины соборной или коллективной души мо-

жет выйти общественная «особь»¹. Апеллируя к биосоциальной гипотезе, Де-Роберти стремился показать процесс становления человеческого общества.

Биосоциальная гипотеза была принята наиболее компетентными социологами: Тардом, Вормсом, Дюргеймом, Де-Греefом, П. Колле, А. Вебером, М. Ковалевским и многими другими. Так, по мнению известного социолога П. Колле, биосоциальная гипотеза оказала существенное влияние на социологов как органической, так и психологической школы в социологии, нарушая тем самым внутреннее единство согласованность их учения². Биосоциальная гипотеза была призвана соединить все науки, изучающие процессы превращения органической энергии в надорганическую, то есть ту, которая характеризует разумные формы бытия и которая в свою очередь представлена двумя крупными видами энергии: биосоциальной и космобиосоциальной. Первый охватывает психологические явления, второй – исторические события. Отсюда объектом исследования биосоциальной гипотезы становится духовная жизнь общества, которая рассматривалась Де-Роберти как сложный продукт сочетания двух основных форм мировой энергии. Суть биосоциальной гипоте-

¹ Де-Роберти Е.В. Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909. С. 40.

² См.: Колле П. Отношение социологии к психологии // Новые идеи в социологии. Сб. 2. 1914. С. 9.

зы состояла в сведении сущности общественного факта к взаимодействию психофизических факторов, т.е. «еще чисто биоиндивидуальных проявлений какой-либо множественности сознаний»¹.

Для того чтобы показать особенность развития этико-социальной эволюции общества, Де-Роберти вводит понятие «надорганическое», выступившее ключевым в его биосоциальной гипотезе. Русский философ определяет данное понятие как социальный факт, постоянно проявляющийся в психологическом взаимодействии и требующий для своего объяснения обращения к социальной среде, как совокупности надорганических условий². Понятие «надорганическое» рассматривалось Де-Роберти в двух аспектах. Во-первых, надорганическое как одна из трех форм мировой энергии наряду с неорганической и органической ее высшее, то есть социальное проявление. Во-вторых, надорганическое как психическое взаимодействие, Де-Роберти подчеркивал, что психическое взаимодействие нельзя смешивать с психологическим фактом, обладающим не только надорганическим, но и биологическим свойством³.

¹ Де-Роберти Е. Социология и психология // Новые идеи в социологии. Сб. 2. 1914. С. 14.

² См.: Лавров П. Философия и социология. Избр. произв.: в 2 т. Т. 1. М., 1965.

³ Де-Роберти Е. Новые постановки основных вопросов социологии. М., 1909. С. 79.

По утверждению Де-Роберти, надорганическое в своем развитии проходит две стадии: через психофизические отношения к психологическому взаимодействию. Первая стадия связана с элементарным нервно-мозговым взаимодействием и дает начало истинно надорганическим явлениям. В нее входят факты и процессы психофизические, состоящие из сравнительно простых явлений. Они относятся к зачаткам «животной общественности», к жизни первобытных людей. Вторая – в своей высшей стадии надорганическое явление – выливается в форму психологического взаимодействия, которое обнимает огромное количество фактов исторического периода. Здесь рождается вся совокупность сложнейших понятий и идей. Так возникает то, что Де-Роберти называл коллективным опытом. Именно он необходим, по мнению Де-Роберти, для формирования сознания социализированной личности, качественно иного, чем осознания биологического индивида.

Наличие общественного сознания означает, что индивиды способны проявлять чувства, целенаправленные желания. Им уже знакомы обобщения, отвлеченные операции, логические суждения. Коллективная жизнь людей (их общность), постоянное взаимодействие являются, согласно Де-Роберти, факторами превращения психофизических состояний в психологические. Новое сознание начинает сразу же вступать в более сложные отношения,

вследствие чего появляются и новые виды взаимодействия (производные формы). Таким образом Де-Роберти пытался сформулировать предпосылки формирования человеческой культуры и цивилизации.

С помощью генетического ряда «психофизическое взаимодействие – общественная группа – личность – цивилизация» Де-Роберти дает описание процессов, сопровождающих восхождение человечества по ступеням социальной эволюции и составляющих содержание изменений в нравственном и интеллектуальном развитии человечества. Де-Роберти рассматривает также формы социальной организации, естественным путем возникшие в доисторическую (докультурную) эпоху (род, племя), как результат простого сожительства. Эти формы, получившие название «органическая множественность», трансформировались в ходе эволюции и образовали «надорганическое единство». С этого момента социальное и духовное единение, единение людей начинает подкрепляться материально – образованием общины, этого первого предвестника гражданских союзов, а затем и более развитых форм социальной организации (город, государство). Вскрывая содержание исторических этапов нравственного развития человека, исторически возникших форм нравственного поведения, Де-Роберти выделяет состояние «органического единства» человечества с характерными для него чертами: биологическим эгоизмом, пара-

зитизмом и др. При переходе к «надорганическому единству» начинается формирование следующих человеческих качеств: альтруизма, кооперации, солидарности.

В этих процессах социальной эволюции решающая роль отводится познавательной деятельности в самом широком смысле, то есть духовному освоению человеком действительности во всей совокупности исторически выработанных форм. Движение духовности прослеживается, начиная с индивидуального сознания, как психофизического свойства каждого человека, через коллективный опыт, затем опыт личный (в условиях социализации индивидов). Все виды познавательной деятельности (религиозные верования, философские идеи и т.п.) в их взаимодействии подвергаются оценке с точки зрения порождающих их социально-исторических обстоятельств.

Предложенная Де-Роберти схема включает в качестве основных элементов знания общие идеи и верование, обусловливающих зарождение различных форм искусства, которые в свою очередь выступают в качестве основополагающих элементов главного результата деятельности людей – труда.

На основе изучения отношений между наукой, религией, философией, искусством и практической деятельностью Де-Роберти вывел закон четырех факторов культуры. Закон этот, по мнению Де-Роберти, является естественным продолжением доисторической фазы разви-

тия человеческого общества. Если биосоциальная гипотеза помогает объяснять природу и особенности становления различных социальных явлений, то закон четырех факторов культуры позволяет судить о механизме социальной жизни. Де-Роберти рассматривает эти главные факторы культуры на примере жизнедеятельности отдельной личности, считая, что каждый человек в своей жизни попеременно может становиться ученым, философом, художником, практиком. В любом из этих качеств он начинает с того, что наблюдает нужный ему круг явлений, затем составляет о нем свое суждение и лишь после этого выбирает способ действия¹.

Обе стороны своего учения – биосоциальную гипотезу и закон четырех факторов культуры – Де-Роберти выстраивает в единый эволюционный ряд, состоящий из семи отвлеченных категорий: психическое взаимодействие, общественные группы, личность, наука, философия, религия, искусство, практическая деятельность, что составляет, по его мнению, культуру². В первом ряду надорганическое взаимодействие играет роль явления, предшествующего общественной группе, которая в свою очередь занимает положение относительно личности. В свою оче-

¹ См.: *Де-Роберти Е.* Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909. С. 70.

² Там же. С. 124.

редь личность выступает непосредственной причиной деятельности, способной изменить условия общественной мысли. Во втором ряду культура, накопленные ею духовные и материальные богатства рассматриваются как последняя цель соединенных усилий отдельных личностей.

Вывод Де-Роберти таков: «...целеисходный ряд, как, впрочем, и следовало ожидать, оборачивается, симметрически опрокидывает ряд причинный»¹. Мы видим, что и в данном случае Де-Роберти применяет свой излюбленный метод – подчеркивание чего-либо, что он полагает важным. Метод этот состоит, как уже было показано, в изобретении новых терминов. Исходя из вышесказанного, основную роль и значение Де-Роберти отдавал второму ряду. В совокупности же оба ряда дают объяснение всей социальной эволюции человечества. Первый ряд – психическое взаимодействие, общественная группа, личность – составляет то, что Де-Роберти определяет как цивилизацию. Именно на этой стадии развития общества, по его мнению, действует общий закон эволюции. Закон этот объясняет происхождение, далекий генезис той огромной совокупности фактов, которую Де-Роберти называет цивилизацией. Действие данного закона распространяется лишь на начальный фазис развития человечества,

¹ Де-Роберти Е. Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909. С. 112.

и в этом смысле, несмотря на свою всеобщность, данный закон недостаточен. «Необходимо еще открыть и прибавить к нему закон, управляющий развитием тех четырех групп явлений, за которыми признали выше значение социальных факторов»¹. В конечном итоге Де-Роберти пришел к теории четырех факторов культуры, расположенных в следующем порядке: наука, философия и религия, искусство, практическая деятельность. Согласно этому взгляду, накопление и передача специальных знаний предшествует, обусловливая их, всем другим приобретениям. «Закон этот является простым дополнением естественного закона, управляющего доисторической fazой развития человеческих союзов и раскрывающего генезис социальной личности, первого источника всех будущих теоретических ценностей»². Таким путем Де-Роберти старался приблизиться к объяснению глобальной эволюции человечества, используя при этом специально принятый понятийный аппарат: «психическое взаимодействие», «общественная группа», «личность», «аналитическое знание», «религиозные и философские синтезы», «действие», «практическое поведение», «труд», в контексте которых рождаются и соответствующие технологии.

¹ Де-Роберти Е. Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909. С. 115.

² Там же. С. 119.

Характерной особенностью взглядов Де-Роберти было то, что он резко выступал против установления каких-либо границ между двумя сторонами человеческой деятельности. Так, например, он подверг резкой критике концепцию социальной эволюции А.Вебера, рассматривающего первую фазу развития человечества как прирожденное свойство человека, более первобытное и основное, чем сама общественность. Вторая сторона человеческого развития признавалась им как продукт общественности. Казалось бы, во всем этом нет ничего нового и все это допустимо. Но беда в том, что Вебер между этими сторонами человеческой деятельности не просто проводит условную границу, а роет почти непроходимую пропасть. Де-Роберти справедливо отметил, что для Вебера «совсем не ясно, что «общественное и нравственное» существование есть лишь необходимое продолжение существа, изобретающего орудия и покоряющего внешнюю природу¹.

В теории социальной эволюции Де-Роберти исключительное значение придается процессу социализации личности, роли коллектива и коллективного опыта. Процесс морализации или социализации личности совершается, согласно Де-Роберти, в двух последующих, непо-

¹ Де-Роберти Е. По поводу теорий А.Вебера о ритме прогресса // Новые идеи в социологии. Сб. 3. 1914. С. 92.

средственно примыкающих друг к другу, стадиях эволюции. В первой, докультурной стадии развития человечества, появляются первые психологические продукты (ощущения, представления, эмоции и т.д.), «ранний или черновой набросок будущей социальной особи»¹. На второй, высшей фазе развития, объектом взаимного обмена и постоянной передачи служат уже не первоначальные психофизические элементы, а их последующие психологические суждения. Другими словами, психофизическое взаимодействие переходит в психологическое. Последнее, по мнению Де-Роберти, совершенно неизвестно и недоступно миру животных. В пропасти, отделяющей психику животных от психики человека, Де-Роберти видел единственный дифференциальный признак отличия человеческого общежития, общественность, которая рассматривалась как коллективный опыт, противопоставляемый опыту биоиндивидуальному².

Понимание представителями неопозитивистской школы детерминизма общественных фактов заключалось в сведении общественных явлений к психологическим корням, а теорий, отождествляющих их, наоборот, к психологическим явлениям.

¹ Де-Роберти Е. Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909. С. 53.

² Де-Роберти Е. умышленно не называл личным опыт, который, он считал можно назвать его общественно-индивидуальным.

С точки зрения Де-Роберти, общественность рассматривалась как длительное, непрерывное, многостороннее и необходимое взаимодействие, устанавливающееся в постоянной связи между психофизическими и психическими явлениями. Это взаимодействие, в свою очередь, обусловливает возможность становления коллективного опыта. «Коллективный опыт порождает массу новых явлений и процессов, уже не психофизических, а социо-психофизических, соборно-психических; обобщения, отвлеченные идеи, логически связанные, а также сложные чувствования и т.п.»¹. Все эти новые явления, то есть результат коллективного опыта, Де-Роберти считал возможным только в обществе, в общественной среде. Эти новые явления тем и отличаются от явлений психофизических, что они сохраняются и постоянно передаются от поколения к поколению уже не путем наследственных инстинктов, а вполне сознательно. Прежде всего с помощью языка, устной речи, а затем письменности, традиций и т.д. Но основным признаком общественности Де-Роберти считал разум. Последнее выступает как продукт всеобщей эволюции вещей, составляющей специфическое свойство «социального существа или специфическое отношение, связывающее это существо со всей остальной

¹ Де-Роберти Е. Современное состояние социологии // Новые идеи в социологии. Сб. 1. 1913.

природой»¹. Тем не менее разум не рассматривался Де-Роберти как первобытный фактор, каким его всегда изображал старый рационализм.

Полноценным участником исторического процесса признавалась лишь социализированная личность – продукт длительного развития общественности, «моральная личность, отражающая и сосредоточивающая в себе уже все виды или формы единой мировой сущности»². Личность выступает как участник и главный двигатель этико-социальной эволюции общества. Но в личности, последнем звене длинной эволюционной цепи, Де-Роберти не видел истинную причину общественной эволюции. «Личность есть расцвет, конечная цель, самый зрелый плод группы»³. Де-Роберти полагал, что личность выступает единственным надежным орудием для усовершенствования общественной группы. Но он также допускал обратную причинность общественных явлений. С одной стороны, личность действует на общественные учреждения и изменяет их, а с другой – учреждения влияют на личность и, в свою очередь, вносят в нее те или другие изменения.

¹ Де-Роберти Е. Современное состояние социологии // Новые идеи в социологии. Сб. 3. 1913. С. 48.

² Де-Роберти Е. Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909. С. 41.

³ Де-Роберти Е. Современное состояние социологии // Новые идеи в социологии. Сб. 3. 1914. С. 42.

Вне воздействия общества, обуславливающего и усиливающего влияние общественных учреждений, отдельная личность, полагал Де-Роберти, весьма скоро спустилась бы до уровня биологического индивида. Вывод Де-Роберти таков: «...всякая попытка, направленная к усовершенствованию отдельных личностей, должна иметь своей исходной точкой не только реформу господствующих мнений, но и под влиянием этих мнений и соответствующую реформу общественных учреждений»¹. Следовательно, личность не рассматривалась как основная детерминанта социальных реформ. Удовлетворение интересов и потребностей каждой личности, каждого индивидуума Де-Роберти было объявлено конечной целью этих преобразований. Собственно, в этом аспекте его рассуждений прослеживается гуманистический характер социально-философских взглядов Де-Роберти. Согласно этому взгляду, перед социальном прогрессом открыты две дороги (усовершенствование личности и усовершенствование общественных учреждений), выбор между которыми остается свободным. Но с помощью каких средств общество, взятое в совокупности, может усовершенствовать отдельную личность? Таких средств в конечном итоге у Де-Роберти только два и они отражаются

¹ Де-Роберти Е. Современное состояние социологии // Новые идеи в социологии. Сб. 3. 1914. С. 43.

в известных лозунгах: свобода и справедливость (или равенство).

Общество, по мнению Де-Роберти, должно стремиться дать личности как можно больше свободы, т.е. все более и более знания: либо физико-химического, от которого зависит экономическое освобождение личности, либо биологического, от которого зависит ее органическое освобождение, ее здоровье; либо социологического, от которого зависит ее нравственное освобождение, ее власть над самим собой. Во-вторых, Де-Роберти считал, что общество должно стремиться дать как можно больше свободы (знания) возможно большему числу людей. Эта вторая задача должна исчерпать всю социологическую проблему равенства или справедливости. Таким образом, знание у Де-Роберти выступает главным критерием прогресса, а познание – единственной сферой деятельности, где есть условия для проявления свободы воли, которая, по его мнению, невозможна. Знание в любых его формах есть вместилище свободы, последнее же – это и есть наука, философия, искусство, получившие возможность внешнего выражения в активных формах. Внешние способы выражения и проявления знаний используются людьми в качестве средства преодоления зависимости от сил природы. Во всех остальных сферах деятельности, полагал социолог, господствует неумолимый жесткий детерминизм.

Эти представления о свободе легли в основу учения Де-Роберти о нравственности. Нравственность, полагал он, возникает в результате сложного, длительного процесса, который начинается с превращения волевых импульсов на уровне физиологии в свободную волю разумного существа. Господство необходимости по мере этого превращения постепенно вытесняется таким состоянием общества, в котором все более возможным становятся свободные действия, а вместе с ними и первые зачатки чувства ответственности индивида перед группой. По достижении достаточно высокой степени развития этих качеств появляется нравственность, складываются предпосылки создания правовых институтов. Но все это становится возможным лишь тогда, когда животная сила биологических существ начинает отступать перед разумным началом сознательно действующих человеческих личностей и групп.

Подобно Спенсеру Де-Роберти исходил из того, что нравственные идеи – продукт долговременного общечеловеческого опыта, а так как такой опыт возможен для человека только в обществе и через общество, то в этом смысле нравственные понятия признавались Де-Роберти производными от общественного. Нравственные идеи имеют, по его признанию, общечеловеческий характер.

Эти идеи были подвергнуты критике со стороны русского философа П. Линницкого. «Де-Роберти не обратил

внимания на то, что нравственные идеи вовсе не состоят в такой рабской зависимости от общественности, как он полагает, ибо, наоборот, сама общественность всегда представляется с точки зрения нравственных идей во многих отношениях неудовлетворительной»¹. По мнению Линницкого, нравственные идеи никогда не имели общечеловеческого характера.

Следующей характерной чертой для Де-Роберти было то, что он не признавал абсолютной свободы, ибо в сфере отношений, в следовании действующим в обществе нравам и обычаям или правовым нормам перед людьми всегда стоит выбор между добром и злом, красивым и уродливым и т.п. Проблему критериев нравственности Де-Роберти решает введением понятия целесообразности – полезности как истинного критерия нравственных поступков. Следовательно, мы можем предположить, что в социальной теории Де-Роберти понимание становления нравственной личности и ее социализация оказываются тождественными. Встав на социологическую точку зрения, этика отказывается от метафизических оснований, ищет способы решения своих проблем. Она отказывается и от абсолютного смысла понятия свободы воли, ибо свободная воля, считает Де-Роберти, мотивирована социаль-

¹ Линницкий М. Идеализм и реализм // Вера и Разум. 1887. № 14. С. 60.

но; достижение в обществе нравственного порядка должно обеспечиваться познанием и применением социальных законов. Эти положения – важная концептуальная сторона социальной философии Де-Роберти.

Процесс познания, духовная жизнь людей составляют основу всех других проявлений социума. В формах духовной деятельности и прежде всего в научном познании Де-Роберти усматривал те сгустки социальной энергии, в которые втянуто все, что достигалось многими предшествующими поколениями. Именно разум, согласно Де-Роберти, освещает любые стороны жизни индивида, группы, общества в целом, тем самым обеспечивая движение человечества к вершинам цивилизации. Таким образом, основой истории и социального прогресса, по мнению Де-Роберти, является мысль. От этой основополагающей идеи его теории зависят вырабатываемые Де-Роберти подходы к явлениям социальной реальности. Эта же форма рационализма лежит в основе объяснения механизма прогрессивного развития самого знания. Так, например, на начальной фазе общественной эволюции, согласно Де-Роберти, знание было менее дифференцированным, наблюдалось полное смещение всех видов общественной мысли. Это составляло главную отличительную черту младенческого периода общества едва зародившихся цивилизаций. «Настоящая специализация занятий, всякое разделение труда становились здесь совер-

шенно невозможными»¹. Только во втором периоде общественной эволюции происходит процесс дифференциации общественной мысли. Так называемый «исход» наук из философии составляет, по мнению Де-Роберти, во многих отношениях наиболее знаменитый факт истории. Здесь Де-Роберти вслед за Спенсером и Теном стремился доказать, будто именно к «дифференциации всех видов общественной мысли... сводится весь человеческий прогресс и вся его культура»².

В понимании социального прогресса Де-Роберти проявил себя также последователем позитivistской доктрины. Как уже подчеркивалось, Де-Роберти выделял три концентрированные сферы, образующих природу или вселенную: неорганическую, органическую и надорганическую. Неорганическая область характеризуется тем, что происходит чисто пространственное перемещение, «основная идея перемены не характеризуется здесь никакими более специфическими признаками»³. Несколько иначе происходит в средней промежуточной сфере, в области жизни. Здесь, кроме простого перемещения, имеет-

¹ Де-Роберти Е. Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909. С. 192.

² Философия и ее основные задачи в XX веке // История нашего времени. Современная культура и ее проблемы. 1915. Т. 7. Вып. 29. С. 195.

³ Идея прогресса // Новые идеи в социологии. 1914. Сб. 3. С. 16.

ся и развитие: «...они рождаются, растут, созревают, стареют и умирают; или, выражая все это в одном слове, они развиваются»¹. И только в надорганической сфере, считает Де-Роберти, применима идея прогресса. «Природа меняет свой внешний облик и мировая энергия принимает новую форму; а вместе с тем и жизненная эволюция, направленная в общественную колею, превращается в совершенно особый вид движения, получивший название прогресса»².

Все три сферы, по мнению Де-Роберти, подчиняются следующим законам: всеобщему управлению неорганической материей, общему закону жизни и более частному закону разума. В непосредственной связи с законом социальной эволюции и в их контексте Де-Роберти пытался объяснить проблему общественного прогресса.

Главным критерием прогресса выступает вера в науку, силу знания, в их способность содействовать успеху во всех сферах социальной жизни. Научная мысль, утверждал Де-Роберти, развивается быстрее всех других сфер, за ней следует философия и искусство, а вместе с ними изменяется и практическое сознание людей, «практическая мысль». Для Де-Роберти практическая деятельность людей есть последняя функция знания в любых его формах.

¹ Идея прогресса // Новые идеи в социологии. Сб. 3. 1914. С. 17.

² Там же.

Наука рассматривалась им как первая и наиболее глубокая основа цивилизации. Она, по его мнению, составляет начальную главу в истории человеческих цивилизаций, но этой основной главе, однако, предшествует опыт. Обусловливаемая опытом наука открывает эволюцию всего ряда других разновидностей той же мысли. «Ее старшинство является в этом смысле настоящим первенством. Мы должны признать последнее, отнюдь не преувеличивая его значения»¹. Таким образом, основой социального прогресса выступает наука, знание. Данная точка зрения принималась многими представителями психологической школы. Так, например, П. Колле отмечал: «Мы должны даже прийти вместе с Е. Де-Роберти к выводу, что прогресс знания есть единственно возможный вид общественного прогресса»². Целью социального прогресса выступает формирование нравственной личности, реализуемое через связь поколений. В этом контексте русский философ развивает свою оригинальную теорию исторической преемственности культуры. Процесс созидания культуры в социальной эволюции представлен Де-Роберти действиями отдельных личностей. Поэтому в формировании нравственных личностей рус-

¹ Де-Роберти Е. Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909. С. 136.

² Колле П. Общественный прогресс // Новые идеи в социологии. Сб. 3. 1914. С. 28.

ский мыслитель видел цель любой общественной кооперації.

Для Де-Роберти личность как творец социальной эволюции может выполнять эту функцию благодаря тому, что она есть сгусток коллективного опыта, результат сотрудничества индивидов как принадлежащих одному времени, так и разным эпохам, то есть благодаря реально осуществляющей на каждом отрезке исторического пути «переклички поколений». В этом непрерывном процессе личность приобретает еще одно важное свойство – служить своеобразной ступенькой в будущее, подготавливая условия для тех личностей, из которых будут складываться новые поколения.

Оценивая в начале века современное ему общество, Де-Роберти утверждал, что оно находится в состоянии глубокого кризиса, выход из которого он видел в успешном развитии социологии и использовании ее результатов на практике. «Де-Роберти был твердо убежден в прогрессивной направленности происходящих в обществе изменений, но считал этот процесс крайне медленным, а линию его движения – сложной и извилистой»¹. Лишь на путях прогресса социологического знания, считал русский философ, можно добиться принципиальных изменений в способах мышления, чувствования, действия. Для

¹ Фатеев А. М.М. Ковалевский. Харьков, 1917. С. 186.

этого науке необходимы такие средства, которые помогут поднять осмысление эмпирических фактов до уровня точной теории, способной обеспечить совершенствование технологий, необходимых для оптимизации процессов управления поведением людей. Эта идея Де-Роберти оказалась провидческой. Она предвосхитила поворот всей мировой социологии к разработке проблем, намеченных в его трудах, и обусловила становление новой отрасли науки – прикладной социологии. Но это случилось значительно позднее.

Видя конечную цель «социальной энергии» в практической деятельности, труде, поведении, Де-Роберти постоянно разъяснял свое понимание главной задачи социологии – создание такой теории на основе нравственности, в которой был бы обобщен опыт человечества, эмпирическое познание социальных фактов поднято на высоту точного знания, а различные технологии, непосредственно управляющие практической деятельностью человека, его поведением, рационализированы. Еще Дж.Ст. Милль питался открыть такой закон, который помог бы объяснить, почему и как происходит смена одного состояния общества другим. Но, к сожалению, между огромным социологическим опытом всемирной истории и сознательно осуществляющей деятельность общества отсутствует необходимая связь и согласованность. Е. Де-Роберти, используя понятие общественности, возводимое им в ранг надорга-

нического явления, пытался найти ответ на вопрос: почему история расы, народов и государств, колоссальный опыт истории принесли так мало пользы людям? И дает на него ответ: из-за отсутствия теорий. И действительно, на многочисленных гипотезах, которые были выдвинуты социологией, к сожалению, лежала печать эмпирии.

Свою концепцию социальной эволюции Де-Роберти построил на основе оригинальной системы классификации социальных фактов, выделив в качестве основных четыре формы мысли, следующие одна за другой в строгом причинном порядке: знание (функция коллективного опыта); философия (функция знания); искусство (функция философии); практическая деятельность или поведение (сложная функция искусства, философия и науки). Исследовав природу и характер взаимосвязи этих явлений, Де-Роберти сформулировал основные тезисы своей теории: переход от «жизни», т.е. от органического состояния общества, в котором элементы общественного начала не получали еще достаточного развития, к общественности совершается посредством превращения опыта индивидуального в коллективный; последний получает все большее распространение, усиливается и побеждает в равной степени и пространство, и время. Для Де-Роберти гораздо большее значение имела традиция, чем подражание. Мир становится нашим представлением о нем, подчеркивал он благодаря тому, что «обществен-

ность вытекает из коллективного опыта и совпадает с ним»¹. Конечным продуктом, результатом преобразования мира является конечная идея. В концепции Де-Роберти легко угадывается сходство с идеей «преобразованного реализма» Спенсера. Но Де-Роберти со своей стороны поднимает реализм Спенсера от уровня индивидуального до высоты коллективного опыта, усиливая тем самым достоверность данного философского построения. Русский философ использовал идею Спенсера о всеобщей эволюции общества, наполнив ее человеческим содержанием, т.е. представил этот этап космической эволюции как реализацию сознательно поставленной цели, как направленного развития, в рамках которого более важную роль играют биосоциальные, а не чисто биологические факторы.

В предложенной Де-Роберти структуре социальной эволюции общества видна плодотворная идея выделить два уровня развития общества. Однако следует помнить, что у Де-Роберти главный объект исследования не объективно существующее общество, а психологическое взаимодействие людей. Следовательно, их «наиболее общие типы и категории», которыми оперируют в социологии, есть также производные от психологического взаимодействия.

¹ Де-Роберти Е. Новая постановка основных вопросов социологии, М., 1909. С. 17.

ствия людей. Из этого вытекает, что вся духовная культура народов и их социальная организация вырастают на почве психического взаимодействия индивидов. Основными элементами такого взаимодействия Де-Роберти признаются: обмен мыслями, передача ощущений, влияние воли одного человека на поведение другого.

В понимании социального прогресса Де-Роберти проявил себя также последователем позитivistской доктрины. Не принимая рассмотрение прогресса через изменение внешних социальных форм, он обосновывал концепцию социального прогресса как внутреннее саморазвитие личности, ее культуры. Таким образом, прогресс для Де-Роберти возможен только там, где есть развитая личность. Обосновывая данный тезис, Де-Роберти подчеркивал особенности социального познания, обращался к элементам социальной психологии и т.п. В этом проявилось его движение к этико-психологической школе, ставшей стержневым направлением русской социально-философской мысли.

Таким путем Де-Роберти старался приблизиться к объяснению глобальной эволюции человечества, что роднило его с широким кругом позитивистов конца XIX в. Но в самом подходе к социальной эволюции отчетливо проявился психологизм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество Е.В. Де-Роберти – целая эпоха в развитии социальной философии России дореволюционного периода. Наследие Де-Роберти остается пока малоисследованным, и задачей нашей науки является его скорейший всесторонний и глубокий анализ. Труды русского ученого сохраняют для сегодняшних поколений не только большое историко-научное значение, но и служат образцом широкой эрудции, примером выполнения человеком науки гражданского долга и источником идей, столь необходимых нам для сохранения преемственности в развитии отечественной философской мысли.

Многие рациональные положения Де-Роберти оказали значительное влияние на дальнейшее развитие философии, социологии, психологии. Де-Роберти внес весомый вклад в разработку ряда социально-философских проблем отечественной и западной философской мысли, которые были актуальными на рубеже XIX–XX вв., но, вместе с тем, по оценке современников, он являлся основоположником неопозитивистского течения в России, основателем новой биосоциальной теории в социологии.

Знакомство с философскими и социологическими построениями Де-Роберти показывает, что его научные изыс-

кания и методологические принципы не являются только своеобразной разновидностью рецепции возникших в Западной Европе идей. Зачастую это самостоятельные результаты идеино-теоретического осмысления собственных задач.

Проведенный в работе анализ социально-философских взглядов Де-Роберти позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, представляется возможным говорить о переосмыслении оценки Де-Роберти как историка философии. Это обусловлено, на наш взгляд, нетрадиционным подходом исследования Де-Роберти к истории философии как «факта социологического порядка». Показывая несостоятельность истории философии как науки, отказывая ей в возможности дальнейшего развития, Де-Роберти стремился посредством социологического анализа создать новую позитивную философию.

Как социолог Де-Роберти ограничивал исследования истории философии выявлением причин вымирания, несостоятельности последней, ввиду чего социологический анализ истории философии не носил глобально-обобщающего характера мирового историко-философского процесса. Это и позволило автору поставить вопрос о Де-Роберти как социологе истории философии.

Представляет интерес решение Де-Роберти вопроса соотношения философии и науки, который до сих пор актуален для современной философской мысли. Исследование взглядов Де-Роберти на проблему соотношения фило-

софии и науки позволило автору показать не только позитивные моменты, к которым по праву можно отнести требование научного построения философии, но и констатировать недооценку ученым роли философии в развитии науки. Научная философия Де-Роберти представляла собой, по существу, философию, опирающуюся на науку, часто идущую не далее синтеза научных обобщений.

Весьма значителен вклад Де-Роберти в развитие концепции социальной эволюции, интерес к которой проявили как представители органической, так и психологической школы. Де-Роберти сделал шаг вперед по сравнению с органицистами, которые рассматривали общество как аналог природного организма, пытались объяснить социальную жизнь посредством прямой проекции биологический закономерностей.

Ученый в свою очередь выдвигает и обосновывает биосоциальную теорию, которая, на его взгляд, была призвана объединить усилия двух направлений и тем самым открыть новый этап в исследовании социальной эволюции общества.

Заслугой Де-Роберти стало определение роли личности как основного элемента социальной действительности, как существа, обладающего в первую очередь не биологическими, а психологическими способностями. Однако попытка психологизации общественных отношений завела ученого и в другую крайность, которая выразилась в механическом перенесении законов психологии в область социально-исторических явлений. Под влиянием успехов новой

науки психологии Де-Роберти был склонен полностью сводить социальное к психологическому, весь сложнейший механизм общественных отношений к психологическому, а весь сложнейший механизм общественных отношений к психологическому взаимодействию индивидов. Вместе с тем Де-Роберти не претендовал на окончательное решение проблемы социальной эволюции общества, его биосоциальная теория рассматривалась ученым как одна из возможных гипотез происхождения и развития человечества.

Таким образом, в оригинальной концепции Де-Роберти органически соединены неизменная приверженность позитивистской классики с творческим поиском новых понятий и методов, отвечающих усложняющимся запросам времени. Глобальный охват социальных явлений, их гуманистический настрой, огромная эрудиция и оптимизм в оценке возможностей науки служить высшим идеалам человечества сделали его учение открытым для будущих исследователей.

Следует отметить, что автор данной работы не претендует на исчерпывающее исследование темы. Основной акцент в монографии сделан на осмысление взглядов Де-Роберти на проблему истории философии, соотношения философии и науки, концепцию социальной эволюции общества. За границей исследовательского интереса остались вопросы, связанные с пониманием Де-Роберти предмета социологии и ее связи с психологией. Требует дальнейших изысканий проблема теории познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамовский Э. Психологические основы социологии и исторического материализма. М., 1900.
2. Алексеев В.А. Некоторые вопросы исследования русской социологии конца XIX – начала XX в // Философские науки. 1989. № 8.
3. Алексеев В.А. Психологическое направление в русской буржуазной социологии (конец XIX – начало XX в): автореф. дис. ... к.ф.н. М., 1978.
4. Алексеев В.А., Маслин М.А. Русская социальная философия конца XIX – начала XX в.: психологическая школа. М., 1992.
5. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
6. Ахмедова М.Г. В.И. Вернадский о ноосферном развитии человечества // Социальная политика и социология. 2010. № 12 (66). С. 123–128.
7. Ахмедова М.Г. Методологические аспекты теории социальной эволюции. М., 2009.
8. Ахмедова М.Г. Методологический и гносеологический плюрализм в современной социологической теории // Социальная политика и социология. 2012. № 11(89). С. 6–11.
9. Ахмедова М.Г. Новейшие тенденции в современной социологической теории // Материалы Афанасьевских чтений. 2015. Т. 1. № 13. С. 255–256.
10. Ахмедова М.Г. Ноосферные измерения социальной эволюции. М., 2008.

11. Ахмедова М.Г. Ноосфера и экологическое сознание // Социальная политика и социология. 2009. № 4 (46). С .6–14.
12. Ахмедова М.Г. Особенности и перспективы развития современной социологической теории // Социальная политика и социология. 2011. № 2 (68). С. 108–112.
13. Ахмедова М.Г. Проблемы социальной эволюции в философско-социологической мысли конца XIX – начала XX в. М., 2002.
14. Ахмедова М.Г. Устойчивое развитие общества в условиях социального неравенства // Материалы Афанасьевских чтений. 2014. № 1. С. 70–73.
15. Ахмедова М.Г., Чанкова Е.В. Коммуникативная компетентность личности: соотношение со взглядами Ю. Хабермаса // Теория и практика общественного развития. 2015. № 2. С. 11–14.
16. Ахмедова М.Г., Чанкова Е.В. Рефлексивность коммуникативной компетентности личности в современном постиндустриальном обществе // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 13–15.
17. Белинский В. Избр. философ. соч. Т. 14. М., 1948.
18. Белов П.Г. Философия выдающихся русских естествоиспытателей второй половины XIX – начала XX в. М., 1970.
19. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Пг, 1921.
20. Блондель Г. Социология Е. Де-Роберти // Де-Роберти Е. Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909.
21. Богомолов А.С. Буржуазная философия США XX века. М., 1974.
22. Булгаков В.В. История социальных учений в XX веке. М., 1908.

23. *Ватсон Э.О.* Конт и позитивная философия // Современник. 1865. №№ 7–8, 11-12.
24. *Вебер А.* Эволюция и прогресс // Новые идеи в социологии. . Сб. 3. 1914.
25. *Вернадский В.И.* Научное мировоззрение // Философия и мировоззрение. М., 1990.
26. *Водзинский Е.И.* Русское неокантианство конца XIX – начала XX века. Л., 1966.
27. *Воронов Н.Т.* Основание социологии. М., 1912.
28. *Вундт В.* Проблемы психологии народов. М., 1912.
29. *Галактионов А.А., Никандров П.Ф.* Философские и социологические учения революционного и либерального народничества // История философии в СССР. Т. 3. М., 1968.
30. *Гальперин С.И.* Современная социология. Екатеринослав, 1903.
31. *Герцен А.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 13. М., 1958.
32. *Гобозов И.А.* Введение в философию истории. М., 1993.
33. *Голосенко И.А.* Исторические судьбы идей О. Конта: трансформация позитивизма в русской социологии XIX–XX веков // Социологические исследования. 1982. № 4.
34. *Голосенко И.А.* Неокантианские идеи в буржуазной социологии России // Философские науки. 1979.
35. *Голосенко И.А.* Социология в дореволюционной России // Философские науки. 1988. № 1.
36. *Гольмстен А.Х.* Позитивизм, метафизика, право // Юридические исследования и статьи. СПб, 1894.
37. *Горский В.С.* Социологический аспект истории философии // Проблемы методологии историко-философского исследования. Вып. 1. М., 1974.

38. Грехнев В.С. Социально-психологические факты в системе общественных отношений. М., 1985.
39. Гром Н.Я. Основные моменты в развитии новой философии. М., 1894.
40. Гром Н.Я. Отношение философии к науке и искусству. Киев, 1883.
41. Гром Н.Я. Философия и ее общие задачи. М., 1904.
42. Гром Н.Я. Что такое метафизика? // Вопросы философии и психологии. Кн. 2. 1890.
43. Гумилович Л. Очерк истории социологии. СПб, 1899.
44. Гуревич А.В. Современное состояние социологии. Возникновение и развитие социологии // Вопросы философии и психологии. Кн. 66-67. 1903.
45. Гурвиль А. Социальная наука представляет ли науку? СПб, 1895.
46. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.
47. Де-Греф Г. Общественный прогресс и регресс. СПб, 1896.
48. Де-Греф Г. Произведения Е. Де-Роберти // Де-Роберти Е. Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909.
49. Де-Роберти Е. Задачи социологии // Вестник знания. 1909. № 7-8.
50. Де-Роберти Е. Идея прогресса // Новые идеи в социологии. Сб. 3. 1914.
51. Де-Роберти Е.В. Краткое объяснение // Слово. 1878. № 8.

52. *Де-Роберти Е.В.* К оценке основных предпосылок социологической теории К. Маркса // Русская Высшая школа общественных наук в Париже. Лекции профессоров. СПб, 1905.
53. *Де-Роберти Е.В.* Мировоззрение крайнего Востока перед судом социологии // Знание. 1874. № 4-5.
54. *Де-Роберти Е.В.* Монизм Герберта Спенсера // Южный сборник в пользу голодающих. Одесса, 1882.
55. *Де-Роберти Е.В.* Монистическое учение и отношение к нему позитивизма // Слово. 1879. № 8.
56. *Де-Роберти Е.В.* Наука и метафизика // Знание. 1875. № 5.
57. *Де-Роберти Е.В.* Неопозитивистская школа и новое течение в современной социологии // Вестник Европы. 1912. № 12.
58. *Де-Роберти Е.В.* Ницше, его философия и социология // Научное обозрение. 1903. № 2-3.
59. *Де-Роберти Е.В.* Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909.
60. *Де-Роберти Е.В.* Нравственность и политика // Социальная мораль. 1902.
61. *Де-Роберти Е.В.* Петр Кропоткин (Личность и доктрина) СПб, 1906.
62. *Де-Роберти Е.В.* Пессимистическая теория познания // Вопросы философии и психологии. Кн. 8. 1891.
63. Де-Роберти Е.В. Позитивная философия // Критическое обозрение. 1879. № 8.
64. *Де-Роберти Е.В.* Политико-экономические этюды. СПб, 1869.
65. *Де-Роберти Е.В.* Понятие разума и законы вселенной. СПб, 1914.

66. *Де-Роберти Е.В.* По поводу теорий А.Вебера о ритме прогресса // Новые идеи в социологии. Сб. 3. 1914.
67. *Де-Роберти Е.В.* Прошедшее философии. М., 1887.
68. *Де-Роберти Е.В.* Современное состояние социологии // Новые идеи в социологии. Сб. 1. 1913.
69. *Де-Роберти Е.В.* Социологическая теория бессмертия // Вестник Европы. 1913. № 9.
70. *Де-Роберти Е.В.* Социология и психология // Новые идеи в социологии. Сб. 2. 1914.
71. *Де-Роберти Е.В.* Социология. Основная задача ее и методологические особенности, место в ряду наук разделения и связь с биологией и психологией. СПб, 1880.
72. *Де-Роберти Е.В.* Я.А. Новиков // Вестник Европы. 1912. № 6.
73. Звягинцев Е.Г. Характерные черты социологии либеральной буржуазии России в период назревания первой русской буржуазно-демократической революции // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. Вып. 3.. М., 1977.
74. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 2. Ч. 2. Л., 1991.
75. Зонов В.Т. Историко-социологическая концепция позитивизма и русская демократическая мысль 40–60 гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. наук. Томск, 1973.
76. Зотов Л.Ф., Воронцова Ю.В. Буржуазная «философия науки». М., 1978.
77. Ибервег-Фридрих Гейнце Макс. История новой философии // Колубовский Я. Философия у русских. СПб, 1870
78. Из истории буржуазной социологической мысли в дореволюционной России. М., 1986.

79. История буржуазной социологии XIX – начала XX века. М., 1979.
80. История как объект философского знания. М., 1991.
81. Казаков А.П. Теория прогресса в русской социологии конца XIX века и исторический материализм: автореф. дис. ... д.ф.н. Л., 1969.
82. Казмер М.Э. Социологическое направление в русской дореволюционной социально-правовой мысли: автореф. дис. ... к.ф.н. Рига, 1977.
83. Каменский З.А. История философии как наука. М., 1992.
84. Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. СПб, 1899.
85. Кареев Н.И. История и философское значение идеи прогресса // Северный Вестник. 1891. № 11-12
86. Кареев Н.И. Огюст Конт как основатель социологии. Введение в изучение социальных наук. СПб, 1903.
87. Кареев Н.И. Чем была Парижская Коммуна 1871 г. Пг, 1917.
88. Каринский М.И. К вопросу о позитивизме. М., 1875.
89. Ковалевский М.М. Очерк истории развития социологии в конце XIX и в начале XX века // История нашего времени (Современная культура и ее проблемы). Вып. 27. Т. 7. Пг, 1914.
90. Ковалевский М.М. Социология. Т. 1–2. СПб, 1910.
91. Коган Л.А. Позитивизм в русской буржуазной философии и социологии // История философии в СССР. Т. 3. М., 1968.
92. Койре А. Очерки истории философской мысли о влияния философских концепций на развитие научной теории. М., 1985.
93. Колле П. Общественный прогресс // Новые идеи в социологии. Сб. 3. 1914.

94. Колле П. Отношение социологии к психологии и биосоциальная гипотеза // Новые идеи в социологии. Сб. 3. 1914.
95. Кон И.С. Позитивизм в социологии. Л., 1964.
96. Конт О. Курс положительной философии. СПб, 1894.
97. Кравченко И.И. Проблемы общественного развития в современной западной социальной философии: автореф. дис. ... к.ф.н. М., 1987.
98. Критика позитивизма в социологии и естествознании. М., 1980.
99. Кузнецов Б.Г. Может ли современная наука быть объектом исторического анализа // Философские науки. 1983. № 1.
100. Кукушкина Е.И. Русская социология XIX – начала XX в. М., 1993.
101. Лавров П.Л. Социологи-позитивисты // Знание. 1872. № 5.
102. Лавров П.Л. Социология Е. Де-Роберти // Дело. 1879. № 12.
103. Лавров П.Л. Философия и социология. Т. 1. М., 1965.
104. Лаппо-Данилевский А.С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма. 1902.
105. Лекторский В.А. Философия, наука, «философия науки» // Вопросы философии. 1973. № 4.
106. Лесевич В.В. От Конта к Авенариусу // Русская высшая школа общественных наук в Париже. Лекции профессоров. СПб, 1905.
107. Лесевич В.В. Позитивизм после Конта // Отечественные записки. 1869. № 6.
108. Лесевич В.В. Тришкина философия («Прошедшее философии») // Северный Вестник. 1886. № 10.

109. *Лиоренцевич И.Г.* Основные этапы развития субъективной школы в русской социологии // Социологические исследования. 1975. № 2.
110. *Линицкий П.* Идеализм и реализм // Вера и Разум. 1887. № 11.
111. *Льюис Д.Г.* История философии. СПб, 1892.
112. *Малинин В.А.* Исторический материализм и социологические концепции начала XX века. М., 1986.
113. *Медушевский А.Н.* История русской социологии. М., 1993.
114. *Митин М.Б.* Философия и социальный прогресс. М., 1979.
115. *Михайловский Н.К.* Полн. собр. соч. Т. 2. СПб, 1907.
116. *Оболенский Л.Е.* Как «наши» учат Европу // Свет. 1879. № 12.
117. *Оболенский Л.Е.* Основная ошибка современного материализма и позитивизма // Русское богатство. 1890. № 1-2.
118. *Петражицкий Л.* О мотивах человеческих поступков. СПб, 1904.
119. Позитивизм в русской литературе // Русское богатство. 1889. № 3-4.
120. *Португалов Ю.* Научные проблемы криминологии // Вопросы психологии криминальной антропологии и гипнотизма. Вып. 7. 1904.
121. *Раппорт Ш.* Социальная философия П. Лаврова. СПб, 1906.
122. *Рассел Б.* История западной философии. Т. 1. М., 1993.
123. Русская философия второй половины XIX века. Ч. 1. Урал, 1991.

124. Русская философская мысль в 80-х гг. XIX века о будущем России. М., 1990.
125. Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. Ч. 1, 2. М., 1906.
126. Рожков Н.А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. М., 1905.
127. Самсонова Н.Г. Критика плюралистических концепций позитивизма России конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... к.ф.н. М., 1985.
128. Сорокин П.А. Система социологии. М., 1993.
129. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация, Общество. М., 1992.
130. Социальная философия в России в XIX веке. М., 1985.
131. Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX в. Л., 1978.
132. Социальная история. М., 1983.
133. Спенсер Г. Основные начала. СПб, 1886.
134. Троцкина В.Г. Социологическая концепция О. Конта. М., 1970.
135. Фатеев А. М. Ковалевский. Харьков, 1917.
136. Философия и наука. М., 1979.
137. Философия в России XIX – начала XX в.: преемственность идей и поиски самобытности. М., 1991.
138. Франк Ф. Философия науки. Связь между наукой и философией. М., 1960.
139. Хвольсон О.Д. Позитивная философия и физика // Мир божий. Кн. 5. 1898
140. Хлебников Н.И. Новые явления нашей позитивистской и дарвинистской литературы. Киев, 1880.

141. *Хорев Н.В.* Философия как фактор развития науки. М., 1979.
142. *Чернышевский Н.* Полн. собр. соч. М., 1949.
143. *Чуйко В.В.* Русская философия // *Кирхнер Ф.* История философии. СПб, 1895.
144. *Чикин Б.Н.* Из истории социальной психологии в России XIX века: Лекции. М., 1978.
145. *Шпет Г.* Очерк развития русской философии. Пг, 1922.
146. *Штейнберг С.* Очерки современной социологии // Жизнь. Кн. 3. 1900.
147. *Шкуринов П.С.* Позитивизм в России XIX века. 1980.
148. *Щипанов И.Я.* Философия и социология русского народничества. М., 1983.
149. *De Roberti.* Constitution de l'éthique. Paris., 1900
150. *Frank F.* Modern science and its philosophy. L., 1949
151. *Hecker J.F.* Russian sociology. N. Y., 1969.
152. *Verrier R.* Roberty le positivisme russe et la fondation de la sociologie. Paris., 1934.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Г л а в а 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ Е.В. ДЕ-РОБЕРТИ	
1.1. Становление позитивистских взглядов Е.В. Де-Роберти	17
1.2. Социологический анализ истории философии	33
1.3. Соотношение философии и науки	55
Г л а в а 2. ПСИХОЛОГИЗМ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ Е.В. ДЕ-РОБЕРТИ	
2.1. Е.В. Де-Роберти как представитель психологического направления в русской социально-философской мысли	81
2.2. Концепция социальной эволюции и идея прогресса	111
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	144
ЛИТЕРАТУРА	148

Научное издание

Ахмедова Муслимат Газиевна

**НЕОПОЗИТИВИСТСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ
В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ Е.В. ДЕ-РОБЕРТИ**

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Н.А. Ясько*
Компьютерная верстка *Н.В. Малаховской*
Дизайн обложки *И.А. Черновой*

Подписано в печать 22.10.2024. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 10,00. Тираж 500 экз. Заказ 1645

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-08-74
E-mail: publishing@rudn.ru